30844/B

Михаила Алексеева

~~No 3~~

N:

KAPNIST
Sochineniia

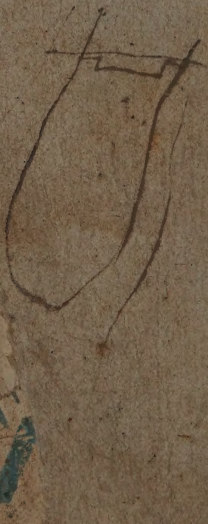
pp 39-42 wanting

Изъ книгъ Михаила
Алексеева No 5

Poems (non med)

Printed at St Petersburg Medical College

Милостъ



88700

СОЧИНЕНІЯ ВАСИЛІЯ КАПНИСТА.

О ГРАДѢ СВ. ПЕТРА
Въ Типографіи Государственной
Медицинской Коллегіи 1796.

Иждивеніемъ Л. и Н.

Nabholz fec.

WELLCOME
LIBRARY
INSTITUTE

ОДЫ

ТОРЖЕСТВЕННЫЯ.

нико

Красуйся, щастлива Россія!
Восторгомъ радостнымъ пылай.
Цѣлуя времена златыя
Главу цнев[illegible]и увѣнчай,
Въ порфиру празднествъ облекися,
Веселья мvромъ умастися,
Пріими отрады свѣтлый щитъ
И плескомъ наполняй вселенну:
Тебѣ свободу драгоцѣнну
ЕКАТЕРИНА днесь даритъ.

О даръ божественныя длани!
Даръ истинныхъ Богоцарей!
Достойный чистой сердца дани,
Достойный вѣчныхъ Олтарей!
Россійскіе сыны! теките,
Усердья жертвы принесите:
Мы радостно ихъ ТОЙ пожремъ,
Чья насъ десница возставляетъ;
Оковы съ нашихъ рукъ снимаетъ
И съ вый невольничій яремъ.

* * *

Съ временъ въ забвеніи лежащихъ
Нашъ родъ былъ славою земли.
Повсюду тьмой побѣдъ гремящихъ
Россійски лавры возрасли.
Не тамъ лишь, гдѣ всходяща Ѳеба,
Парящаго по своду неба
И въ понтъ спѣшаща виденъ свѣтъ;
Но тамъ, гдѣ богъ сей не сіяетъ,
Завѣсы звѣздной не вскрываетъ;
Гдѣ вѣчно мрачна ночь живетъ.

Среди такого блеска славы,
Побѣдъ которымъ нѣтъ числа,
Во узахъ собственной державы
Россія рабства дни влекла.
Когда цѣпь чуждую терзала,
Сама въ веригахъ унывала
И не рвала своихъ оковъ;
Но раболѣпными руками
Упадшихъ предъ ея ногами
Царей, брала подъ свой покровъ.

* * *

Теперь, о радость несказанна!
О день, дражайшій дня побѣдъ!
Царица небомъ низпосланна
Твоей неволи узы рветъ.
Россія! — ты свободна нынѣ! —
Во вѣкъ твоей ЕКАТЕРИНѢ
Какъ Богу будешь ты должна:
ОНА тебѣ вновь жизнь даруетъ,
И щастье вольностью связуетъ
На всѣ грядущи времена.

Обиліе рѣкой польется
И ризу позлатитъ полей;
Гласъ громкихъ пѣсней разнесется
Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
Рѣзвящіеся хороводы
Выводятъ ужъ во слѣдъ свободы
Забавы въ рощи за собой.
Играмъ ихъ старость совосплещетъ:
Во всѣхъ очахъ веселье блещетъ
И знаменуетъ вѣкъ златой.

* * *

Развязанными днесь крылами
Орелъ Россійскій воспаритъ
Надъ гордыми его врагами;
Съ высотъ ихъ выи поразитъ,
Обвившись пламенемъ Перуна
Изъ рукъ кичливаго Нептуна
Трезубый жезлъ исторгнетъ онъ;
Въ дальнѣйшіе враговъ предѣлы
Пошлетъ молніеносны стрѣлы,
И пренесетъ къ нимъ Росскій тронъ.

Лети, пернатыхъ царь! взносися,
Главой касайся небесамъ;
Подъ кровомъ вѣчности гнѣздися,
Внеси въ ея священный храмъ
Священный ликъ ЕКАТЕРИНЫ.
Безсмертныхъ дѣлъ Ї Я картины
Поставь на золотой стѣнѣ:
Да узрятъ вѣки отдаленны,
Колико времена блаженны
Текутъ въ подвластной ЕЙ странѣ!

* * *

А ТЫ, Которая свободу,
Какъ животворный свѣтъ даешь!
Знай, что Россійскому народу
ТЫ тѣмъ крѣпчайшу цѣпь плетешь.—
Мы прежде власти покорялись;
Въ плѣну днесь кротости остались
И стали плѣннѣе стократъ.—
ТВОИ щедроты безконечны,
Сіи сердецъ оковы вѣчны,
И духъ свободы покорятъ.

Въ потомствѣ благодарны Россы,
Наслѣдники временъ златыхъ,
Воздвигнутъ въ честь ТВОЮ Колоссы
Блестящи славой дѣлъ ТВОИХЪ.
На нихъ ТВОЙ образъ изваянный,
Рукою правды увѣнчанный
Святиться будетъ въ родъ и родъ;
И время, кое все снѣдаетъ,
Безсмертну косу изломаетъ
Объ памятникъ ТВОИХЪ щедротъ.

О Д А

на

объявленіе войны,

Портою Россіи.

1787 года Августа 5 дня.

Какіе страшны звуки внемлю?
ПерунЪ Беллоны грянулЪ вдругЪ;
И прахЪ и дымЪ покрыли землю! —
Се двигнулся на СѣверЪ ЮгЪ. —
Се РосскимЪ врагЪ орломЪ попранный
На раны навлекая раны
Убійственну подъемлетЪ длань.
Вознесши буйства рогЪ кичливый
ОнЪ мирныя исторгЪ оливы:
ОтрыгнулЪ ярость, месть и брань.

Доколь облекшися въ гордыню
Онъ будетъ нагло возбуждать
Полнощи кроткую Богиню,
Громъ казни на него метать?
Давно ли устремленный къ бою
Подъ мстящею ЕЯ ногою
Онъ брегъ Дунайскій покрывалъ!—
Такъ въ мрачны пропасти Ереба
Тифонъ съ лазурныхъ сводовъ неба
Низринутый Зевесомъ палъ.

* * *

Тамъ сынъ Еола осужденный
На верхъ крутой горы катать
Во адѣ камни раскаленны
Стремящіеся къ долу вспять,
Напрасно мышцы напрягаетъ
И потъ кровавый проливаетъ;
Трудамъ не видитъ онъ конца!—
Толь строго боги справедливы
Караютъ мысли горделивы
И буйствомъ дышущи сердца!

Срацинъ! избѣгни злаго рока,
Уже испытанна тобой.
Хоть въ брани Россовъ грудь жестока,
Но умягчается мольбой.
Прійди, пади, пріими прощенье.—
Но вящей ярости волненье
Мнѣ кажетъ твой угрюмый видъ:
Вращаешь вкругъ свирѣпы взоры
И гнѣвъ къ пролитью крови скорый,
Сильняй въ груди твоей кипитъ.

* * *

Теки же рокомъ злымъ гонимый!
Паденье ускоряй твое.
А ты, о Россъ непобѣдимый!
Пріими громъ, мечь и копіе;
Но броню, щитъ и шлемъ отрини:
Тебѣ на пагубу гордыни
Сонмъ горныхъ силъ предъидетъ въ бой.
Хоть ада встрѣтится стремнина,
Дерзай: — тебя ЕКАТЕРИНА
Ведетъ, и Богъ поборникъ твой.

Какъ Геллеспонта волны чисты
Такъ днесь Евксинъ позналъ твой флагъ.
Нептунъ твой переплылъ кремнистый
И шумный Бористена прагъ.
На Тавръ до неба восходящій
Взлетѣлъ орелъ твой, месть носящій.—
Оружьемъ врагъ объятъ кругомъ.
Лишь только мечь ко брани двинешь,
Ты горду рать его низринешь.
Разсыплешь въ прахъ, лишь бросишь громъ.

* * *

Мнѣ Музы тайну открываютъ
Съ завѣсой будущихъ временъ.—
Перуны орли тамъ сверкаютъ
И гордый рогъ Луны сотренъ.
Я вижу тамъ престолы новы.—
Тамъ рабствъ расторгнуты оковы.—
Храмъ славы зрю на небесахъ:
На лаврахъ тамъ блестятъ трофеи,
И имя Росскія Астреи
Во звѣздныхъ свѣтится кругахъ.

ОТВѢТЪ
РАФАЕЛА
пѣвцу
ФЕЛИЦЫ.

Прекрасное изображеніе Фелицы, сочиненіе Гавріила Романовича Державина, дало мнѣ поводъ къ написанію отвѣта Рафаела, въ которомъ весь пятой куплетъ заимствованъ изъ слѣдующихъ трехъ изящныхъ строфъ его:

„Престолъ ЕЯ на Скандинавскихъ;
„Камчатскихъ и златыхъ горахъ,
„Отъ странъ Таймурскихъ, до Кубанскихъ,
„Поставь на сорокъ дву ъ столбахъ,
„Какъ зеркалъ восемь бы стояли
„ЕЯ великія моря.
„Съ полнеба звѣзды освѣщали,
„Во кругъ багряная заря.„

Строфа 8.

„На сребро-лунно Государство
„Простри крылатый, сизый громъ,
„Въ желѣзно-каменное Царство
„Брось молни, и поставь въ верхъ дномъ.
„Орелъ Царевнинъ бы ногою
„Въ верху рога Луны сгибалъ;
„Тогдажъ бы на землѣ другою,
„У Льва голодной зѣвъ сжималъ.„

Строфа 47.

* * *

„Представь, чтобъ гласъ сей свѣтодарный
„Какъ лучь съ небесъ проникъ сердца;
„Извлекъ бы слезы благодарны,
„И всѣ Монарха, и Отца,
„И Бога бы въ Фелицѣ зрѣли,
„Который праведенъ и благъ;
„Изъ устъ бы громы лишь гремѣли,
„Которы у НЕЕ въ рукахъ.„

Строфа 26.

ОТВѢТЪ
РАФАЕЛА
пѣвцу
ФЕЛИЦЫ.

Рафаелъ Санкціо Урбинской,
За Стиксъ отшедшій на покой,
Мурзѣ Орды Киргизской, Крымской,
Каракалпацкой, Золотой,
А подлинно какой, не знаетъ;
Здоровья и всѣхъ благъ желаетъ.
Сіе же пишетъ во отвѣтъ
На то посланье длинновато,
Которое Эрмій крылатой
Ему на сей доставилъ свѣтъ.

Мурза! сто тридцать повелѣній
Тобой предписанныя мнѣ,
Признаться, удивили тѣни
Живущи праздно въ сей странѣ:
Имъ показалось очень странно,
Что такъ слегка и столь пространной,
Ты вздумалъ мнѣ урокъ задать;
Надъ коего и третей долей
Со всей моею доброй волей
Я въ пень былъ принужденнымъ спать.

* * *

Ты видно думалъ, что не диво
Изобразившимъ вещество,
Изобразить достойно, живо,
И непостижно Божество;
Что какъ воображенью слово,
Такъ и художество готово
Для взора мысль образовать;
И сколь ума паренья смѣлы,
Столь кисти широки предѣлы,
И чувствамъ образъ можно дать.

Но нѣтъ, Мурза! не такъ не трудно,
Какъ то себѣ мечтаешь ты,
Всѣхъ прелестей согласье чудно
Собрать и слить въ одни черты;
Чтобъ душу Ангела небесна
Представила краса тѣлесна.
Ликъ солнца виденъ каждый день;
Однако вся искусства сила
Изобразить сего свѣтила
Одну лишь слабу можетъ тѣнь,

* * *

Не такъ легко „надъ полвселенной
„На сорокъ токмо двухъ столбахъ
„Престолъ поставить вознесенной,
„Въ осьми смотрящійся моряхъ;
„Такъ лапы распростерть орлины,
„Чтобъ сжалъ одною зѣвъ онъ львиный
„Другой рога Луны сгибалъ,
„И написать, чрезъ вымыслъ вящшій,
„Чтобы Перунъ въ рукахъ горящій
„Гремѣлъ изъ устъ, но не сражалъ.„

А ты хотѣлъ, чтобъ я всѣ дива,
Которы намъ ты возвѣстилъ
Изъ полнаго черпнувъ Архива,
Въ одну картину помѣстилъ! —
Хоть зналъ я тщетное желанье,
Но все употребилъ старанье
Тебѣ сколь можно угодить;
И такъ пустяся на удачу,
Чтобы рѣшить твою задачу
Я предпріялъ ее дробить.

* * *

Сперва созвавъ въ совѣтъ согласной
Весь живописный нашъ Синклитъ,
Филицы твоея прекрасной
Рѣшился я представить видъ;
А [illegible]тобъ исполнить, чудно дѣло,
[illegible]ны сановитой тѣло
[illegible]нер[illegible]й главой свершилъ,
[illegible]е[illegible]ьми трехъ Грацій нѣжныхъ
[illegible]ареслахъ бѣлоснѣжныхъ
К[illegible]ри[illegible]ъ поясъ обложилъ.

И восхищался.... Какъ предъ мною
Предсталъ Мурза какихъ-то Ордъ,
Подъ шапкой бритою главою
И длинными усами гордъ:
Спросилъ, кого изображаю?—
Фелицу. „Какъ ЕЯ? я чаю,
„Что ты несешь и пишешь брѣдъ.
„Брось кисть, мой другъ! и трудъ напрасный.
„Нѣтъ, не ЕЕ то Ликъ прекрасный,
„А развѣ токмо — Силуетъ.„

* * *

Сказалъ, и съ гнѣвомъ удалился.
Привѣтствомъ удивленъ такимъ
Я рѣчь завесть поторопился
О чудной сей Фелицѣ съ нимъ.
Догнавъ его, Мурза почтенный!
„Сказалъ, оставимъ несравненный
„Фелицынъ Ликъ, позволь спросить
„Совѣта, какъ бы кисть щастлива
„Могла сего осьмаго дива
„Хоть подвиги изобразить?„

„Хоть подвиги? — не трудно дѣло
„Затѣялъ ты въ умѣ своемъ! —
„Хоть сто бы васъ надъ нимъ сидѣло
„Вѣкъ цѣлой, встали бъ вы ни съ чемъ.
„Для рамъ обширной толь картины
„Малъ лѣсъ всей здѣшней палестины;
„А гдѣ взять красокъ и кистей?
„Опомнися, тебѣль пристало
„Явить намъ ясное зерцало
„Великихъ дѣлъ Царевны Сей?„

* * *

„Надъ всѣми Царствами вселенной,
„ОНА возносится какъ Кедръ
„Надъ тростью гибкой, униженной,
„Чуть изъ земныхъ возникшей нѣдръ.
„Державный скипетръ простираетъ,
„На Царства тамъ гражданъ вѣнчаетъ;
„Въ подданство Царствы здѣсь беретъ;
„Стязующіяся державы
„Неволитъ токъ пресѣчь кровавый,
„И судъ и миръ имъ подаетъ.„

„Се громъ и трескъ ЕЯ Перуна,
„Страшилища владыкъ земли,
„Съ полнощи грянувъ, домъ Нептуна
„Въ средьземномъ понтѣ потрясли.
„Тамъ Гидръ ОНА въ волнахъ сжигала;
„Луну надменну затмѣвала
„Крылами Своего орла;
„И Царствъ не возмутя покою,
„Въ предѣлъ Свой сильною рукою
„Пространно море вовлекла.„

* * *

„Чтобъ хитрость обуздать кичливу,
„Заставить чтить права людей,
„ОНА зеленую оливу
„Простерла надъ лицемъ морей.
„Подъ сѣнью вѣтьви сей священной
„Не смѣетъ буйство дерзновенно
„Судамъ свободный ходъ препнуть;
„Хоть люты брани вкругъ рыкаютъ,
„Они среди ихъ протекаютъ
„Безстрашно предпріятый путь.„

„Но кая можетъ слова сила
„Явить въ величіи своемъ,
„Какъ мракъ полнощи просвѣтила
„ОНА премудрости лучемъ?
„Какъ подданныхъ рвала оковы,
„Въ нихъ души поселяла новы;
„И гдѣ, къ ихъ щастью устремленъ
„Судьба ЕЙ подвигъ препинала....
„ОНА блаженства засѣвала
„Для жатвы будущихъ племенъ?„

* * *

„Но что! по всей вселеннѣй нынѣ
„Гремятъ дѣла ЕЯ Одной;
„И на пространной сей холстинѣ
„Насилу кистію златой
„Писать ихъ Слава успѣваетъ:
„То какъ рука твоя дерзаетъ
„Подъять толь непомѣрный трудъ?
„Оставь, мой другъ! не суетися;
„Кому дивится свѣтъ — дивися:
„А кисть и краски спрячь подъ спудъ.„

Премудраго сего совѣта,
Мурза! отнюдь не презрю я.
И такъ Фелицына Портрета,
Ниже Картины дѣлъ ЕЯ
Тебѣ доставить не намѣренъ.
Когдажъ ты въ способахъ увѣренъ
Тѣ чуда живо написать,
То кисть и краски предъ тобою:
Пиши волшебною рукою,
Что столь красно умѣлъ сказать.

ОДА

на

всерадостное обрученіе
Ихъ Императорскихъ Высочествъ
Великаго Князя
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА
и
Великой Княжны
ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ,
Совершившееся 1793 года, Маія въ 10 день.

Воздѣвъ блестящу багряницу,
Уже стыдливая заря
Ведетъ янтарьну колесницу
Дней свѣтоносснаго Царя.
На прагъ востока онъ възъѣзжаетъ,
Златыя возжи потрясаетъ,
И огненнымъ бичемъ коней
Стремитъ на сводъ небесъ лазурныхъ;
Блескъ сыплется отъ гривъ ихъ бурныхъ
И пламя пышетъ изъ ноздрей.

Но что?— онъ путь свой премѣняя
Къ Петрополю склоняетъ бѣгъ. —
Весна пріятна поспѣшая
За нимъ, съ полей согнала снѣгъ.
Въ тѣ дни, какъ хладны здѣсь погоды
Обыкли видъ мрачить природы,
Она одѣла листьемъ лѣсъ;
Пестритъ поля дарами Флоры,
И нѣжны птицъ сзываетъ хоры
Воспѣть любовь въ тѣни древесъ.

* * *

Чтожъ такъ весну и свѣтла Феба
Влечетъ поспѣшно въ Россій край;
И подъ чертою хладной неба
Ихъ заставляетъ зиждить Рай?
Не божество ли ужъ какое,
Жилище небрежа святое
Сошло съ превыспреннихъ круговъ;
И смертною плѣнясь красою,
Ведетъ торжественно съ собою
И ликъ отрадъ и сонмъ боговъ? —

Такъ точно; — Взору изумленну
Небесный предстоитъ предмѣтъ.
Се нѣкую Чету священну
Ефирный озаряетъ свѣтъ.
Се Дѣва, какъ любовь прекрасна,
На Юношу взираетъ страстна
Съ улыбкой полною утѣхъ.
Такъ роза нѣжна на лилею
Всклонывшися, красой своею
Влечетъ, плѣняетъ взоры всѣхъ.

* * *

Чета божественна, прелестна! —
Румянецъ розъ на ИХЪ щекахъ,
Въ глазахъ блеститъ лазурь небесна,
Лежатъ коралы на устахъ,
На лицахъ кротость обитаетъ:
СЕЙ доблесть, мужество являетъ;
ТА нѣжный и любящій духъ.
Залогомъ щастія вселенной
Въ НЕЙ виденъ Ангелъ воплощенной,
Въ НЕМЪ Ангелъ, человѣковъ Другъ.

То не Амуръ ли и Психея
Вновь смертныхъ предстоятъ очамъ;
И не божественнаь Астрея
Предводитъ ИХЪ въ священный храмъ?—
Но нѣтъ:— самъ Богъ любви надъ НИМИ
Летя, стрѣлами золотыми
Пронзаетъ нѣжны ИХЪ сердца;
На НИХЪ свой пламенникъ склоняетъ
И взоръ ИХЪ блескомъ привлекаетъ
Изъ миртъ сплетеннаго вѣнца.

* * *

И се восторгъ сыновъ Россiискихъ,
Се пѣсней восхищенный ликъ,
Громъ, звукъ орудiй Мусикiйскихъ
И радостный народа кликъ,
Чету священну имянуютъ;
Порфиру, руки ИХЪ цѣлуютъ;
Цвѣтами усыпаютъ путь:
Всѣ взоры къ НИМЪ лишь обращенны;
Всѣ жаждутъ, рвеньемъ воспаленны,
Взглянуть на НИХЪ — еще взглянуть.

Предтечей счастливой судьбины,
Да будетъ днешне торжество!
Да будетъ Внукъ ЕКАТЕРИНЫ
И ИМЪ любимо божество
Блаженства нашего залогомъ!
Союзъ ИХЪ Всемогущимъ Богомъ
Да будетъ въ вѣкъ благословенъ!
Да ПАВЛОВЪ домъ, какъ лавръ цвѣтущій,
Во всѣ пребудетъ дни грядущи
На немъ со славой утвержденъ.

* * *

Лишь только громкій слухъ раздался
О щастливомъ союзѣ семъ;
Сарматъ въ подданство намъ отдался,
Плѣненъ любовью, не мечемъ.
Се племя Росскія державы
Прельстяся громомъ нашей славы
Подъ кровъ отечественъ течетъ.—
Симъ ясно рокъ предвозвѣщаетъ,
Какихъ потомство ожидаетъ
Отъ НИХЪ торжествъ, отрадъ, побѣдъ.

Красуйся, о Чета священна!
Нѣжнѣйшей страстію пылай:
Въ Тебѣ Россія восхищенна
Зритъ новонасажденный рай.
ТЫ, чуждый цвѣтъ!— ЕЛИСАВЕТА!
Краса будь наша, радость свѣта!
А ТЫ, прекраснѣйшій Женихъ!
Гордъ именемъ Россіянина,
Премудръ будь какъ ЕКАТЕРИНА,
И какъ ОНА, какъ ПЕТРЪ Великъ.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ
ПѢСНЬ,
на
празднованіе
мира.

Псаломъ 45.

Господь силъ съ нами, Богъ боговъ,
Защита Россовъ и покровъ!

Богъ намъ прибѣжище и сила,
Помощникъ скорый въ сонмѣ бѣдъ.
Не содрогнемъ, хотябъ свѣтила
Померкли, весь потрясся свѣтъ
И въ понтъ вершины низложились;
Хотябъ моря и бурей споръ
Хребты подвигли твердыхъ горъ
И въ бездну сринуть устремились.

Господь силъ съ нами, Богъ боговъ,
Защита Россовъ и покровъ!

Петрополь красятъ мирны рѣки;
Въ немъ Вышній освятилъ Свой Тронъ.
Богъ въ немъ; не двигнется во вѣки;
Оплотъ ему, твердыня Онъ.
Въ языцѣхъ выю дерзновенну
Возноситъ буйный сонмъ людей.—
Священный палъ престолъ Царей.—
Месть неба удивитъ вселенну!

Господь силъ съ нами, Богъ боговъ,
Защита Россовъ и покровъ!

* * *

Прійдите, да чудесну славу
Творца побѣдъ вселенна зритъ:
Онъ укротилъ здѣсь брань кровави,
Онъ сжегъ и мечь, и лукъ и щитъ.—
Внемлите, всѣ концы земные!
Речетъ Господь: Азъ Россовъ Богъ.
Въ языцѣхъ вознесу Мой рогъ:
Престолъ Мой вознесу въ Россіи.

Господь силъ съ нами, Богъ боговъ,
Защита Россовъ и покровъ!

Надутовъ въ знать вошелъ; такъ всѣхъ пренебрегаетъ.
Завистовъ чиномъ малъ; такъ знатныхъ презираетъ,
И хочетъ предпріявъ ни чьихъ заслугъ не чтить,
Иль всѣмъ ровнять себя, иль всѣхъ съ собой сравнить.
Казну обворовавъ, обворовавъ сосѣдовъ,
И воромъ на судѣ изобличенный *Вредовъ*,
По милости людей, которыхъ обокралъ,
Избавился столба и ссылки миновалъ;
Теперь Боярамъ братъ, деревни покупаетъ
И тѣхъ каретою своею въ грязь толкаетъ,
Которыхъ по міру таскаться онъ пустилъ.
А я, чтобъ я такихъ уродовъ не журилъ?
Чтобъ видя глупости однихъ, другихъ пороки,
Я сталъ молчать? нѣтъ, нѣтъ, скорѣй отсроча сроки,

Не станетъ ростовщикъ на росты росты драть,
Скорѣй подъячіе не станутъ взятки брать,
Скорѣй полюдски жить и мыслить *Чудновъ* станетъ,
Чѣмъ правдой мой языкъ ихъ уличать устанетъ.

Послушай каждаго: увѣритъ и *Ролетъ*,
Что совѣсти своей въ наемъ не отдаетъ,
И правосудіемъ онъ торговать не смѣетъ,
Вредить, обманывать, лукавить не умѣетъ;
Хоть доброй славой нищь, да честностью богатъ,
И словомъ, вѣрь ему, онъ нашихъ дней Сократъ.
Но сколько тягостно быть честнымъ, каждой знаетъ:
Долгъ добродѣтели насъ часто принуждаетъ
Корысть свою забывъ, пожертвовать другимъ,
Покоемъ, временемъ, имѣніемъ своимъ,

Что часто намъ самимъ напасть иль
вредъ наводитъ;
Такъ вѣрныхъ въ томъ иной разчетовъ
не находитъ;
Но чтобъ другимъ своихъ пороковъ не
казать,
За добродѣтель ихъ умѣетъ выдавать,
И всѣ на свѣтѣ семъ, какъ въ вольномъ
Маскерадѣ,
Не въ обычайномъ имъ, не въ свойствен-
номъ нарядѣ,
Закрывшись масками, подложной кажутъ
видъ,
Пока еще не весь въ нихъ истребился
стыдъ.
„Ахъ! здравствуй, душенька! ну!
какъ ты поживаешь?
„Я такъ тебя люблю; а ты насъ поки-
даешь:
„Да что-то грустенъ ты? скажи, лю-
безной другъ!
„Скажи мнѣ, что могу я для твоихъ
услугъ?

„Я всѣмъ готовъ.... Постой, твой кошелекъ въ кончинѣ,
„Я ѣду выиграть, такъ естьли въ половинѣ
„Ты хочешь быть со мной, то я тебѣ божусь,
„Что сотнею, другой, съ тобою подѣлюсь.„
Вотъ такъ *Щечиловъ* мнѣ усердно предлагаетъ,
Обворовать меня, онъ дружески желаетъ,
За тѣмъ меня игрой продать другимъ плутамъ,
Чтобъ съ ними раздѣлить мой вексель пополамъ.
Учености надѣвъ личину дерзновенно,
Самхваловъ хочетъ всѣхъ насильно, неотмѣнно
Увѣрить о своемъ и знаньи и цѣнѣ;
Онъ качества свои хваля на единѣ,
Упорно въ томъ себя не рѣдко увѣряетъ,
Что онъ и то, о чемъ въ свой вѣкъ не слышалъ, знаетъ;

Но пухлымъ слогомъ вздоръ стараясь заглушить,
Принудилъ дураковъ себя премудрымъ чтить.
Піитомъ *Чудновъ* быть взявъ на себя обузу,
Неволею свою летать заставя Музу,
Свой мѣлкомысленный Славенско-Руской брѣдъ
За образецъ ума и вкуса выдаетъ;
Но онъ бы съ *Мевїемъ* со временемъ сравнялся,
За пышной мыслію когда бы не гонялся,
И не старался бы, желая въ верьхъ парить,
Въ стихахъ своихъ луну зубами ухватить.
Ну чтожъ? пускай его никто не понимаетъ;
Читатель ничего, иль мало въ томъ теряетъ;
Его несносной брѣдъ, прельщающій глупца,
Не столько пагубенъ, какъ сладка рѣчь льстеца.

Злохватъ бѣжитъ ко мнѣ, прижавъ къ груди цѣлуетъ,
И благодѣтелемъ и другомъ именуетъ;
Клянется, что онъ всѣмъ пожертвовать мнѣ радъ,
И клятвами остритъ коварной злобы ядъ;
Онъ рвется, мучится, отчаяньемъ мятется
Пока конца моей напасти не дождется.
Драчъ совѣсть выдаетъ свою за образецъ;
А *Драчъ* такъ истцовъ дралъ, какъ алчный волкъ овецъ;
Онъ былъ моимъ судьей и другомъ быть мнѣ клялся,
Я взятки дать ему не знавъ его боялся;
Соперникъ мой, его и зналъ и самъ былъ плутъ,
Разграбя весь мой домъ, позвалъ меня на судъ.
Напрасно бралъ себѣ законъ я въ оборону;
Драчъ правдой покривить умѣлъ и по закону;

Тогда пословица со мной сбылася та,
Что хуже воровства честная простота;
Меняжъ разграбили, меняжъ и обвинили,
И вору заплатить безчестье осудили.
Я не окончилъ бы, когдабъ хотѣлъ я счесть
Пути, которыми людей проводитъ лесть.
Сей труситъ предо мной, а за глаза поноситъ;
Тотъ друга моего затѣмъ лишь имя носитъ,
Чтобъ какъ при случаѣ меня обворовать;
Другой за тѣмъ, что я могу ему достать
Тотъ чинъ, котораго добиться онъ желаетъ;
Иной Министръ меня лишь для того ласкаетъ,
Что въ немъ дѣла мои и разумъ почтены;
Другой не для того, но для моей жены.
Тотъ отъ меня занять, тотъ поживиться хочетъ,
И всякъ на щетъ чужой лишь про себя хлопочетъ.
Теперь не такъ ужъ глупъ, какъ въ старину былъ свѣтъ;
Предубѣжденія и нравы древнихъ лѣтъ

Изъ моды вывелись, равно какъ ихъ наряды;
Другъ другу услужить, помочь другъ другу рады.
Бывало праотцы теперешнихъ отцовъ,
(Съ свѣчею поискать теперь такихъ глупцовъ.)
Во всѣ сердца уже проникло просвѣщенье;
Въ томъ славу полагать, въ чемъ было поношенье,
Безчестье и порокъ согнать съ лица земли,
Быть правыми во всемъ, два средства мы нашли:
Одно, людской молвы себя превыше ставить;
Другое, всяко зло въ хороши толки плавить.
Тотъ всѣми по дѣламъ бездѣльникомъ почтенъ,
Напрасно, говоритъ, я свѣтомъ осужденъ;
Молву людскую я и толки презираю;
Довольно, что я самъ себя честнымъ щитаю.

От общепринятых тот правил отступив
И философіи свой разум посвятив,
Отечеством своим вселенну всю щитает;
А порознь каждаго щечит и обирает.
Хотя уже теперь рачительной рукой,
Востановя в Своем владѣніи покой,
ЕКАТЕРИНА путь к нестройствам заградила,
Злодѣям суд творя, злу жало притупила,
Дает нам способы друг другу помогать,
И цѣну каждаго достоинств отличать:
Со всѣм тѣм, сколь ОНА о благѣ ни печется,
Злодѣйство рушится, а глупость остается.
Монархиня легко могла попрать Луну;
Монархов примирить, искоренить войну,
И легчеб силою вселенну покорила,
Чем из числа людей глупцов искоренила.

ОНА науками Россіи жизнь даетЪ,
И воспитаніемЪ распространяя свѣтЪ,
ПодЪ сѣнію Своей художества покоитЪ;
Искусству, разуму, покровы, храмы строитЪ,
И меракЪ невѣжества, и хищность, корень зла,
ИзЪ всѣхЪ подвластныхЪ ЕЙ предѣловЪ прогнала;
Щастливитъ насЪ, хранитЪ, покоитЪ, просвѣщаетЪ;
Но глупости ничто никакЪ не истребляетЪ:
Науки возрасли, художества цвѣтутЪ,
Родятся Авторы, а глупость тутЪ какЪ тутЪ.

КакЪ вЪ нивѣ, многими удобренной трудами,
ПроникнувЪ плевелы промежду колосами,
Неспѣлой повредя, глушатЪ созрѣлой плодЪ;
ТакЪ вольной вЪ свѣтЪ себѣ глупцы позволя входЪ,

Не бывъ посѣяны, растутъ и созрѣваютъ,
Даютъ худой примѣръ и знанья затмѣ-
ваютъ.
Иные, чтобъ себя предъ свѣтомъ от-
личить,
Усердіемъ своимъ стремятся помрачить
Дѣла Монархини, воспѣвъ Ихъ недо-
стойно,
Нелѣпымъ голосомъ и низко и нестройно.
Я самъ моложе бывъ, ихъ смѣлостью
польщенъ,
И дерзскимъ сдѣлаться примѣромъ по-
ощренъ,
Желая помѣстить себя въ ихъ вздор-
номъ ликѣ,
Стихами слабыми и на чужомъ языкѣ
ЕКАТЕРИНИНЫ пѣлъ славныя дѣла;
Тогда какъ ихъ уже давно перевела
Не на одинъ, на всѣ земныхъ племенъ языки,
Молва гласящая Царей дѣла велики.
И такъ, безъ воли Музъ я славить то
желалъ;
О чемъ весь свѣтъ гремѣть на силу
успѣвалъ.

О! естьли бы тогда какой наставникъ строгій,
Внушилъ мнѣ, сколько духъ и разумъ мой убогій
Ко прославленію великихъ дѣлъ ЕЯ;
Что всуе гласъ крѣпить усердьемъ тщился я;
Что мнѣ ЕЯ дѣла и Имя въ свѣтѣ славить,
Такъ къ стати, какъ бы горсть воды въ Неву прибавить;
О сколькобъ я его теперь благодарилъ.
Онъ изъ числа глупцовъ меня бы искупилъ.
Но естьлибъ вздумало правленіе уставомъ
Глупцовъ принудить быть всегда въ разсудкѣ здравомъ;
То вѣрнобъ я, и весь ослиной ихъ соборъ
Совсѣмъ сошли съ ума ему на перекоръ.
Законъ преграда злымъ, спокойство утверждаетъ,
Отъ сильнаго руки, безсильнихъ защищаетъ,

Злодѣйство можетъ онъ карать, искоренить,
Но глупостей людскихъ не въ силахъ истребить.
Такъ чтожъ? не должно ли изыскивать стараться
Чемъ съ глупостью глупцовъ принудить бы разстаться?
Піитовъ научить безъ смысла не гремѣть,
И вѣру теплую къ разсудку возымѣть?
Но можно ли какимъ спасительнымъ закономъ,
Принудить *Мевія* мириться съ Аполлономъ,
Не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ,
И рыломъ не мутить Кастальскихъ чистыхъ водъ.
Толпа несмысленныхъ и мерзскихъ риѳмотворцовъ,
Слагателей вранья и сущихъ умоборцовъ,
Со всѣмъ семействомъ ихъ, не убоясь судовъ,
Напутавъ кое какъ и прозы и стиховъ,

Въ свѣтъ могутъ ихъ пустить безъ пошлинъ, безъ окладу,
Уму, читателямъ и Музамъ на досаду.
Злодѣямъ казнь грозитъ и строгости суда;
Презрѣніе и стыдъ бездѣльникамъ узда;
А дѣлать глупости всякъ можетъ безъ препоны.
Когдажъ духовные и свѣтскіе законы,
Не могутъ правами власть глупости унять,
Такъ чтожъ осталося? — ей зеркало казать,
Въ которое взглянувъ себя бы устыдилась.
Сатира кажется на то лишь и родилась,
Чтобъ въ лицахъ съ глупостью порокъ изображать,
И корень ихъ и власть во нравахъ истреблять,
Колючей шуткой умъ и сердце исправляя.
И такъ, когда глупцы стихи сіи читая,
Похожими себя въ иныхъ мѣстахъ найдутъ,
Да не винятъ меня за безпристрастный судъ;

Я правдою внушенъ, пишу ея уставы.
Глупцы, бездѣльники, свои испортя нравы,
Не должны на меня за то одно востать,
Что я пороки ихъ старался исправлять;
Я имъ добра желалъ: а естьли и воста-
нутъ
И разсердясь, меня ругать за правду
станутъ;
То презря съ твердостью неправедный
ихъ гнѣвъ
И снисхожденіемъ ихъ буйство одолѣвъ,
За наглую ихъ брань не стану я сер-
диться;
Я не съ людьми хочу, съ пороками бра-
ниться.

Стр. 39. Сатира первая и послѣдняя: — Она напечатана была въ Вѣстникѣ въ Іюнѣ мѣсяцѣ подъ заглавіемъ *Сатира первая.* — Но какъ сочинитель примѣтилъ, что злословіе относило къ лицамъ изображаемые въ ней пороки вообще; то перестаъ писать Сатиры и напечаталъ сію въ Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова подъ нынѣшнимъ ея заглавіемъ. Смотри Соб. люб. Рос. слова, Часть V.

„Стихами слабыми и на чужомъ языкѣ
„ЕКАТЕРИНИНЫ пѣлъ славныя дѣла.„

Стран. 53.

Подъ сими словами сочинитель разумѣетъ преглупую свою Французскую оду, на случай мира между Россіею и Оттоманскою Портою сочиненную. Она была сперва особенно напечатана 1775 года, потомъ въ 1780 году въ Августѣ мѣсяцѣ Санктпетербургскаго Вѣстника, — а писана сочинителемъ на 17 году его

возраста, чего однакожъ онъ ни себѣ, ни глупому своему произведенію въ извиненіе не ставитъ. Сія послѣдняя оговорка простирается и на прочія сочинителевы Французскія оды, при концѣ сихъ сочиненій напечатанныя.

„Толпа несмысленныхъ и мерзкихъ риѳмотворцовъ
„Слагателей вранья и сущихъ умоборцовъ.„

Въ первой Сатирѣ на мѣсто сихъ стиховъ напечатаны были иные.

ОДЫ

на

РАЗНЫЕ СЛУЧАИ.

ОДА
на
Надежду.

Лѣса, влекущіе къ покою!
Чертогъ любви и тихихъ дней!
Куда вы съ прежней красотою
Сокрылись отъ моихъ очей?
Васъ таже зелень украшаетъ;
Но мнѣ того ужъ не являетъ,
Чѣмъ духъ бывалъ прельщаемъ мой:
Вездѣ меня тягчатъ печали;
Вездѣ, гдѣ прежде восхищали
Утѣхи, щастіе, покой.

О рокъ! о судія жестокій!
Владыка сильный тьмы временъ!
Доколѣ буду слезъ потоки
Я лить тобою осужденъ?
Доколѣ въ сердцѣ скорби кроя,
Я буду прежняго покоя
Искать, въ нещастіи стеня? —
Иль бѣдъ моихъ окончи время;
Или ужъ всѣхъ напастей бремя
Собравъ, повергни на меня.

* * *

Въ терпѣньи мудрый познаваемъ,
Нещастьемъ испытуемъ онъ;
Но гдѣ сверьхъ мѣры мы страдаемъ,
Тамъ тщетенъ мудрости законъ:
Рожденная Надежда съ нами,
Доколь хоть тихими стопами
Къ концу напастей насъ ведетъ;
Еще разсудокъ помогаетъ:
А въ комъ Надежда изчезаетъ.
Подъ косу смерти тотъ течетъ.

Съ юнѣйшихъ лѣтъ жестокой власти
Уже я бремя ощущалъ;
И началъ чувствовать напасти,
Какъ скоро чувствовать я сталъ:
Но днесь они прешли предѣлы. —
О рокъ! сбери всей злобы стрѣлы,
Еще стремись меня терзать;
Не убоюсь грозы напрасной:
Сразивъ меня рукою властной,
Ты слабъ мой духъ поколебать.

* * *

Ты слабъ? ахъ! нѣтъ сей мысли вѣрить,
Есть ложной льстить себя мечтой.
Я могъ душею лицемѣрить
Предъ всѣми, но не предъ собой.
Я могъ страстей таить волненье,
Скрывать на сердцѣ огорченье,
И желчь въ груди запечатлѣть:
Но душу скрыть отъ всѣхъ умѣя,
И ею внѣ себя владѣя,
Внутри себя не могъ владѣть. —

Страдалъ; — и сердца чувство скорбно
Таящееся въ груди моей,
Тѣмъ самымъ было больше злобно,
Чѣмъ больше крылось отъ очей.
Печаль являюща отраду
Подобна пагубному яду,
Который въ лестномъ видѣ сна
Коварну смерть уготовляетъ.
Конецъ терпѣнья предваряетъ
Души притворна тишина.

* * *

Ручей, который съ горъ стремится,
Крутится, пѣнится, ревётъ,
Сквозь дебри роется, мутится,
И камни быстриной несетъ —
Не столько въ ярости опасенъ;
Какъ токъ, который тихъ, безгласенъ,
Уныло дремлетъ въ берегахъ;
Онъ лестью бездну покрываетъ:
Тотъ рвенье чувствъ изображаетъ,
А сей отчаянія зракъ.

Еще не свершены печали,
И лучь Надежды не исчезъ,
Пока стенанья не престали
И токъ не осушился слезъ:
Но коль и сихъ отрадъ лишенно,
Нещастьемъ сердце удрученно,
Таитъ въ себѣ жестокость бѣдъ;
Се часъ ужасный наступаетъ.
Унынье душу омрачаетъ,
А въ слѣдъ отчаянье течетъ.

* * *

Но внемля истинны уставамъ,
Въ печаляхъ должноль унывать,
И должноль щастія отравамъ
Свое спокойствіе ввѣрять?
Надежды должноль намъ лишаться,
Томить себя, стенать, терзаться,
Когда преходитъ все какъ прахъ?
Когда для насъ и скорби люты,
И каждый часъ и срокъ минуты
Къ блаженству будущему шагъ?

Почтожъ, коль въ свѣтѣ все премѣнно,
Почто печальми духъ тягчить?
Мнѣ можетъ быть опредѣленно
Еще и въ благоденствѣ жить;
И можетъ быть, что прійдетъ время,
Когда напастей тяжко бремя
Судьба отторгнувъ отъ меня,
На мѣсто ихъ, щедротъ рукою
Устроитъ дни мои къ покою,
Въ блаженство горесть премѣня.

* * *

Надежда, смертныхъ утѣшитель!
Ты будь моихъ подпорой силъ:
Въ тебѣ единой Вседержитель
Спокойство наше утвердилъ.
Твой гласъ нещастныхъ увѣряетъ,
Что рокъ тѣ бѣдствія скончаетъ,
Которыхъ бремя ихъ тягчитъ;
А въ щастіи ты въ томъ порука,
Что никогда ужъ съ нимъ разлука
Къ напастямъ насъ не возвратитъ.

А вы, лѣса! гдѣ грусть я крою,
Простите мнѣ, что я посмѣлъ
Тѣснящею меня тоскою
Встревожить тихій вашъ предѣлъ.
Нещастье вы мое внимали:
Когда же окончавъ печали,
Въ которыхъ духъ мятется мой,
Рокъ возвратитъ мнѣ благоденство;
Тогда прійду въ васъ пѣть блаженство,
И тѣмъ вашъ усладить покой.

О Д А

на

смерть

Сына.

Доколѣ рокъ свирѣпый станетъ
Меня бичемъ напастей гнать;
И по частямъ когда престанетъ
Мое онъ сердце раздирать? —
Съ любезнымъ братомъ разлученье,
И друга вѣрнаго лишенье
Оплакивалъ не давно я.
Се вновь жестокая судьбина
Велитъ мнѣ смерть оплакать сына,
Предмѣтъ злой скорби моея.

О музы! васъ не призываю,
Мнѣ помощь ваша не нужна;
Вѣщать печаль, что ощущаю,
Меня научитъ скорбь одна,
И лиру мнѣ настроитъ томно.
Не пѣснь воспѣть хочу огромно:
Я славы не ищу вѣнца;
Ужъ лавры льстить меня престали.
Хочу смягчить мои печали,
Проливъ ихъ въ нѣжныя сердца.

* * *

Отцы и матери нещастны!
Моею тронуты тоской,
Прійдите, ваши души страстны
Да сострадаютъ днесь со мной.
Слезами стихъ сей оросите,
И горести моей простите,
Коль ваши раны обновитъ:
Изнеможенъ средь волнъ ревущихъ,
За ближнихъ ухватясь плывущихъ
Спастися гиблющій спѣшитъ.

А вы, родители щастливы!
Внемлите скорбну пѣснь сію.
Коль души въ васъ чадолюбивы,
Возчувствуйте печаль мою.
Взглянувъ на вашихъ чадъ любезныхъ. . .
Не пожалѣйте токовъ слезныхъ
Съ рыдающимъ отцомъ пролить.
Да Богъ васъ не лишитъ отрады!
И да возмогутъ ваши чады
До гроба вамъ весельемъ быть!

* * *

Мое веселіе прервалось,
И сына моего ужъ нѣтъ.
О сердце! кое имъ прельщалось,
Претерпѣвай всю лютость бѣдъ.
А вы, утѣшенны имъ очи!
Покройтеся завѣсой ночи!
Или въ источникъ горькихъ слезъ
Неизсякающъ превратитесь,
Сіяніемъ отрадъ не льститесь:
Лучь радости моей исчезъ.

Исчезъ; — и навсегда сокрылся
Во гробѣ сына моего.
Увы! навѣки я лишился
Во вѣкъ не узрю ужъ его.
О сынъ мой! — ты какъ нѣжна роза
Свирѣпствомъ ранняго мороза
Вдругъ пораженная, увялъ;
Какъ цвѣтъ, листовъ нераспустившій,
Одну зарю лишь только жившій,
Изсохъ, и полдня не видалъ.

* * *

Уже ты на меня не взглянешь
Улыбкой нѣжной осклабясь;
И рукъ умильно не протянешь
Въ объятія мои просясь;
Не будешь, мать ко всѣмъ ревнуя,
Играя съ ней, ее цѣлуя,
Мое ты имя затвержать;
Не будешь сидя между нами
Твоими нѣжными руками
Ты наши выи сопрягать.

И мнѣ покрыту сѣдиною
Подпорою не будешь ты.
Согбенный старости рукою,
Несносны жизни тяготы
Одинъ я понесу стоная,
И до земли хребетъ склоняя,
Преткнусь безъ помощи жезла.
Тогда печалью изнуренный,
Паду, бѣдами удрученный,
Подъ игомъ лѣтъ, болѣзни, зла.

* * *

Паду, какъ ветхая обитель
На столбѣ опершая чело,
На кой всей твари разрушитель
Съ косою время налегло,
И сильной мышцею сломало.
Палъ столбъ, и зданье затрещало;
Потрясши дряхлою главой
Обрушилося, развалилось,
Съ лицемъ земли уже сравнилось
И скоро порастетъ травой.

Безуменъ, кто себя на бренный
Надежды якорь обопретъ!
Какъ жезлъ сей съ верху изощренный
На немъ возлегшу длань пробьетъ:
Такъ намъ надежда измѣняетъ.
О сынъ мой! надъ тобой рыдаетъ
Отецъ твой льстившійся лишь тѣмъ,
Что ты сомкнешь его зѣницу,
Что хладную его гробницу
Омоешь теплыхъ слезъ ручьемъ.

* * *

Но я твои закрылъ днесь очи;
Я твой послѣдній вздохъ пріялъ,
И въ кровъ сходяща вѣчной ночи
Тебя слезами омывалъ.
Я, заступъ движущей на силу
Рукой изрылъ тебѣ могилу,
И хладный прахъ твой въ ней покрылъ
Землею, смѣшанной съ слезами;
Усыпалъ я ее цвѣтами,
И кипарисъ въ ней посадилъ.

Какъ древо то, такъ я нещастны
Къ гробницѣ пригвожденъ твоей.
Свѣтильникъ дня и звѣзды ясны,
Лампады, спутницы ночей,
Меня зрятъ у твоей могилы.
Тамъ скорбный плачь мой, вопль унылый,
Мой сынъ! тебя ко мнѣ зоветъ;
Но ты молчишь, о тѣнь драгая!
Лишь ехо стонъ мой повторяя,
Со мною томно вопіетъ.

* * *

Не ехо лишь одно, вселення
Со мною кажется скорбитъ.
Травой поблекшей покровенна
Земля являетъ томный видъ.
Надъ лѣсомъ буря ужъ завыла.
Туманъ простерши влажны крыла,
Лежавшіе на лонѣ рѣкъ,
Возлегъ на тучныя равнины
И злачные луга, долины
Печальной ризою облекъ.

Въ свирѣпомъ вихрѣ сѣверъ бурный
Разноситъ осень по земли.
Уже Олимпа сводъ лазурный
Сѣдыя тучи облегли.
Съ увядша стебля цвѣтъ валится;
Смѣшенный съ снѣгомъ дождь стремится;
Съ деревьевъ буря листья рветъ.
Красотъ своихъ земля лишилась,
Природа съ нею обнажилась,
И все въ уныньи смерти ждетъ.

* * *

Я нѣку чувствую отраду
Во общемъ сѣтованьи семъ.
Воззря на мрачныхъ тучь громаду
Біющихъ льдистымъ злакъ дождемъ,
На вѣтръ, листы въ поляхъ носящій,
На мразъ, растѣнія мертвящій,
На токъ, покрывшійся корой;
Я тѣмъ въ печали утѣшаюсь,
Что не одинъ лишь я лишаюсь;
Что всѣхъ сражаетъ жребій мой.

Но участь ихъ не столь ужасна. —
Хоть осень днесь мертвитъ цвѣты,
Но скоро имъ весна прекрасна
Отдастъ всѣ прежни красоты.
Древа вновь листьемъ облекутся,
Потоки изъ пеленъ прорвутся,
Все вдругъ съ весною оживетъ.
Я ихъ нещастнѣе стократно:
Не можетъ смерть уже обратно
Мнѣ сына возвратить на свѣтъ.

* * *

Не узрю я его доколѣ
Прядется Паркой жизнь моя.
Увы! не возвращаетъ болѣ
Добычи вѣчность своея,
И гласу плача ужъ не внемлетъ.
О сынъ мой! смерть тебя отъемлетъ
Отъ томныя груди моей,
Не давъ тебѣ познать утѣхи;
Познавъ забавы, радость, смѣхи
Вкусить пріятства жизни сей.

Пріятства! — нѣтъ — о сынъ любезной!
Мой гласъ прельстить тебя хотѣлъ.
Въ судьбинѣ смертныхъ скорбной, слезной,
Никто прямыхъ пріятствъ не зрѣлъ.
Всякъ долженъ дань платить печали.
Гдѣ смертны щастія искали,
Тамъ встрѣтило ихъ ждуще зло.
Блаженство твердое, прямое,
До сребрянныхъ вѣковъ златое
Съ собою время унесло.

* * *

Бѣды надъ міромъ непрестанно
Висятъ, какъ огустѣвша мгла.
Въ немъ зло, какъ злато постоянно,
А щастье бреннѣе стекла.
Въ немъ свѣтъ соединенъ со тьмою.
О сынъ мой! естьлибъ ты судьбою
Какъ твой отецъ былъ искушенъ;
Когдабъ какъ онъ, къ брегамъ щастливымъ
Плывя, Зефирамъ ввѣрясь льстивымъ,
Ты ими въ пропасть былъ внесенъ.

Когдабъ какъ онъ, ты въ юны лѣты
Всѣхъ бѣдствій горести вкусилъ;
Когдабъ любезные предмѣты,
Которымъ жизнь свою вручилъ,
Тебѣ внезапу измѣнили.
Сіи любовь твою забыли,
Тѣ вѣрность дружбы твоея;
Толь горьку ощутя измѣну,
Тогда возчувствовалъ бы цѣну
Ты жизни скорбныя сея.

* * *

Возможноль зря коварство злое,
Ведуще правость въ смертну сѣть,
Порокъ достоинство прямое
Хулою ищущій сотреть,
Зря стыдъ поправшую кичливость,
Гнѣтущу судъ несправедливость,
У ногъ вельможъ ползущу лесть,
Возможноль ими не гнушаясь,
Отъ вида ихъ не содрагаясь,
Ихъ мерзости и злобу снесть? —

Но естьлибъ ты себя противу
Ихъ сонма явно ополчилъ,
Ты жизнь стяжалъ бы нещастливу:
Соединеньемъ общихъ силъ.
Твои дни грызла бы ихъ злоба;
Отъ ней тебя ни двери гроба
Не возмогли бы защитить;
Змѣею зависть ядовитой
И прахъ твой въ мрачной урнѣ скрытой
Не преставалабъ шевелить.

* * *

Такъ ты, мой сынъ! благополученъ,
Что жилъ временъ одинъ лишь мигъ;
Что жизни скорбью не размученъ
До тихой пристани достигъ,
Поспѣшнымъ пренесенъ Зефиромъ.—
Покойся днесь, покойся съ миромъ,
Любезная, дражайша тѣнь!
Завидую твоей я долѣ,
Жалѣя, что не въ нашей волѣ
Приблизить нашъ послѣдній день.

Но о твоей, мой сынъ! разлукѣ
Уже я болѣ не скорблю;
Не предаюся горькой скукѣ;
Терпѣнья мѣры не гублю.
Съ отрадой жду я тѣхъ мгновеній,
Когда рокъ цѣпь моихъ мученій
Въ источникъ благъ перемѣня,
Изъ бѣдствій жизнь мою искупитъ;
Когда съ тобою совокупитъ
На лонѣ вѣчности меня.

* * *

Теперь ужъ я твою гробницу
Не возмущу моей тоской,
И сѣвъ на ней, мою зѣницу
Потщусь не омочить слезой.
Но солнцу ставшу надъ горами,
Я поспѣшу твой гробъ цвѣтами
Услать и мvромъ оросить.
Творцу, на мѣстѣ семъ священномъ,
Я буду въ сердцѣ восхищенномъ
Хваленій жертву приносить.

Тутъ часто ночь меня застанетъ.
При свѣтѣ блѣдныя луны
Мой духъ тамъ воскрыляться станетъ
Къ предѣламъ вѣчной тишины,
И въ мысляхъ созерцать вселенну,
Душей Всесильной оживленну.
Тамъ можетъ статься тѣнь твоя
Мнѣ будетъ межъ древесъ мечтаться,
И тамъ я буду научаться
Познать цѣль жизни моея.

ОДА

на

Щастіе.

Весна пріятна возвратилась;
Блестящу росу пьютъ поля;
Зеленымъ бархатомъ покрылась
И тысячьми цвѣтовъ земля;
Одѣлись листіемъ дубравы;
Кусты и благовонны травы
Шлютъ въ воздухъ нѣжный ароматъ;
Съ горъ зеркальны струи катятся,
И въ рощахъ хоры птицъ гнѣздятся,
Поющи новыхъ тьму отрадъ.

Взойду на холмъ — мой взоръ веселый
Вездѣ довольство, нѣгу зритъ:
Въ долу спокойно быкъ дебелый
Близь кравъ пасущихся лежитъ.
Тамъ бодрый конь, поднявши гриву,
И хвостъ и выю горделиву,
Играетъ вкругъ своихъ подругъ.
Тутъ козы брань ведутъ рѣзвяся;
Тамъ паствой овцы насладяся,
Блеяньемъ наполняютъ лугъ.

* * *

Вездѣ, и въ воздухѣ семъ чистомъ;
По всей поверхности земли,
Въ поляхъ, лугахъ, въ лѣсу тѣнистомъ,
Зефиры радость разнесли.
Весны вліянія отрадны
И звѣри ощутя зложадны,
Питаютъ нѣжный жаръ въ крови,
Пріятнымъ чувствомъ умягченной;
И все, что въ мірѣ оживленно,
Дань платитъ щастью и любви.

Все дань любви и щастью платитЪ!
Лишь человѣкЪ изЪ тварей всѣхЪ
Часы вЪ угрюмой скукѣ тратитЪ,
ОтЪ общихЪ уклонясь утѣхЪ.
НенасытимыхЪ полнЪ желаній,
СобытіемЪ пустыхЪ мечтаній
ОнЪ занимаетЪ ночь и день;
ПростыхЪ, природныхЪ благЪ чуждаясь,
СуетЪ вЪ Дедалѣ пресмыкаясь,
ХватаетЪ щастья токмо тѣнь.

* * *

Сей плугЪ наслѣдный оставляетЪ
И хижину своихЪ отцовЪ;
ВЪ мечь острый рало превращаетЪ,
И вЪ буйствѣ ищетЪ лишь — враговЪ?
ОбманутЪ гласомЪ ложной славы,
Собратій токЪ ліетЪ кровавый,
ВдовЪ, старцевЪ и сиротЪ разитЪ;
И льстится, обагряя длани,
Что кровь піюще поле брани
Ему лаврЪ вѣчный возраститЪ!

Другой стада продавши тучны
И домъ рожденья своего,
Гдѣ съ дѣтствомъ игры неразлучны
Всю жизнь лелѣяли его;
Жену оставя безотрадну,
Чтобы корысть насытить жадну,
Измѣннымъ ввѣрился зыбямъ;
Онъ плачь родныхъ сухимъ зритъ окомъ,
И водъ въ волненіи жестокомъ
Лишь злато льститъ его очамъ.

* * *

Иной во пиршествахъ, въ забавахъ,
Все щастье свѣта заключивъ,
И нѣги въ сладостныхъ отравахъ
Здоровье, душу истощивъ,
Въ вихрь роскоши себя ввергаетъ,
И средства лишь изобрѣтаетъ
Отъ самаго себя уйтить.
Летяще невозвратно время
Онъ силится, какъ тяжко бремя,
Тщетою праздной истребить.

Но на различныхъ сихъ дорогахъ
Страстьми влекомый человѣкъ,
По кратковременныхъ тревогахъ
Златый обрѣсть мечтая вѣкъ,
Въ отрадномъ, въ истинномъ покоѣ
Возможетъ ли сыскать прямое
Блаженство жизни своея? —
Ахъ, нѣтъ! — чѣмъ къ цѣли онъ скорѣе
Течетъ, тѣмъ отъ него быстрѣе
Цѣль удаляется сія.

* * *

Съ какими бѣдствами, трудами
Сокровищъ ищетъ онъ другихъ!
Скопляются онѣ вѣками:
Единый мигъ уноситъ ихъ.
Честей и знатности степени
Какъ легки исчезаютъ тѣни;
Кто возраститъ ихъ, мглу пожнетъ.
Прельщенна видами пустыми
Душа не насладится ими;
Прямаго щастія въ нихъ нѣтъ.

О щастье! всѣхъ страстей пружина!
Всѣхъ мыслей, чаяній, трудовъ,
Желаній всѣхъ, о цѣль едина!
Приди, повѣдай, гдѣ твой кровъ?
Скажи намъ, гдѣ ты обитаешь?
На тронѣ ли въ вѣнцѣ сіяешь,
Иль поселилось въ шалашахъ;
Или оставя человѣка,
На крыліяхъ злашаго вѣка
Взлетѣвъ, живешь на небесахъ?

* * *

Обремененный нищетою,
Презрѣньемъ общимъ посрамленъ,
Рабъ ропщетъ: для чего судьбою
Рабомъ онъ въ свѣтъ произведенъ?
Вельможей пышностью прельщаясь,
„Блаженъ, гласитъ, кто наслаждаясь
„Богатствомъ, щастьемъ, дней своихъ
„Число числомъ забавъ считаетъ!
„Онъ вѣкъ моихъ утѣхъ вмѣщаетъ
„Въ одинъ своихъ веселій мигъ!„

„Я властью вознесенъ и славой,
„Речетъ Монархъ: Я смертныхъ Богъ.
„Я сильною моей державой
„Моихъ враговъ стеръ гордый рогъ.
„Въ забавахъ, въ нѣгѣ утопаю;
„Но щастія не обрѣтаю
„Ни средь побѣдъ, ни средь пировъ.
„Спокойство отъ меня уходитъ;
„Спокойство въ хижинѣ находитъ
„Послѣдній рабъ моихъ рабовъ!„

* * *

Когдажъ своею въ свѣтѣ частью
Никто не удовлетворенъ,
Такъ не ужель намъ путь ко щастью
Стѣною вѣчной прегражденъ?
На толь отъ Бога жизнь пріяли,
Чтобъ жертвой будучи печали,
Кляли мы жизни каждый часъ? —
Никакъ! — Источникъ совершенства,
Богъ сотворилъ для насъ блаженства,
Блаженство сотворилъ для насъ.

Виновны мы, что льстясь мечтами
И блескомъ призраковъ пустыхъ,
Живущее блаженство съ нами
Стяжать желаемъ отъ другихъ;
Что вѣчно токмо въ чуждой долѣ,
То въ хижинѣ, то на престолѣ,
Обрѣсть надѣемся покой;
И ослѣпленные пристрастьемъ
Весь вѣкъ свой гонимся за щастьемъ,
Нося его всегда съ собой.

* * *

Познай, о человѣкъ! сколь смѣжно
Съ тобою благъ струя течетъ,
И какъ сама десницей нѣжной
Своихъ питомцевъ къ ней ведетъ
Премудра, щедрая природа; —
Что совѣсть чистая, свобода,
Здоровье и насущный хлѣбъ,
Довлѣютъ къ твоему покою —
Будь съ ними щастливъ самъ собою,
И даръ благослови Судебъ!

А естьли Богъ, чтобъ безмятежну
Украсить жизнь вѣнцемъ отрадъ,
Пошлетъ тебѣ супругу нѣжну,
Правдива друга, добрыхъ чадъ,
О щастливъ, щастливъ ты нелестно!—
Для чувствъ любови сердце тѣсно
Ты въ нѣдра дружества пролей;
И чуждъ мірскихъ суетъ, навѣтовъ,
Блаженствомъ сихъ драгихъ предмѣтовъ
Удвой твоихъ блаженство дней.

* * *

Удвой — но, ахъ! съ усугубленьемъ
Сихъ щастія узловъ драгихъ,
Сугубо-горестнымъ явленьемъ
Коварно жало скорбей злыхъ
Грозитъ, о смертный! намъ всечасно!—
Какое сердце толь безстрастно,
Толь твердо, жестко можетъ быть,
Чтобъ близкихъ такъ души залоговъ
Болѣзнь, терзанія, безъ вздоховъ,
Безъ ропота могло сносить?

Возможноль потокомъ капель слезныхъ
Не омочить унылыхъ вѣждъ,
Воззрѣвъ на прахъ дѣтей любезныхъ,
На гробъ пріятнѣйшихъ надеждъ?
Не орося слезой зѣницу
Возсѣсть на хладную гробницу
Иль друга иль драгой жены;
И не восплакать надъ могилой,
Гдѣ жизни, ужъ на вѣкъ постылой,
Всѣ радости погребены? —

* * *

Нещастный! — въ скорби сей сердечной,
Приди — дай руку мнѣ — пойдемъ —
Предъ трономъ благъ, Любви предвѣчной,
Съ повиновеніемъ падемъ;
И изъ подъ-праха, гласъ умильной
Возвысимъ: — да рукой всесильной
Стѣсненно сердце укрѣпитъ!
Печалей да смягчитъ грызенья;
И сопротивъ скорбей стремленья
Да ниспошлетъ намъ вѣры щитъ!

О вѣра! гласъ Творца вселенной,
Святѣйшій лучь Его лучей!
Отрада жизни угнѣтенной!
Душевна здравія елей!
Оставь небесную обитель:
Сниди,—будь вождь намъ, просвѣтитель;
Наставь насъ, что доколѣ мы
Веригъ не сбросимъ тѣла страстна,
Не можемъ свѣта, намъ причастна,
Отъ сродной намъ отторгнуть тьмы;

* * *

Что жизни въ дебри сей терновой
Мы странствовать во мглѣ должны;
Что тамъ,—за ней,—день свѣтитъ новой;
Что кои ужъ преселены
Въ то обиталище святое,
Вкушаютъ щастіе прямое,
И радость полной чашей пьютъ;
Отъ смерти къ вѣчности избранны,
Вѣнцемъ нетлѣннымъ увѣнчанны,
Небесной жизнію живутъ.

Но здѣсь одна лишь добродѣтель
Источникъ неисчерпныхъ благъ,
Отрадъ незыблемыхъ содѣтель.
Въ болѣзняхъ, въ нищетѣ, въ бѣдахъ;
Она печали услаждаетъ
И равномѣрно сочетаетъ
Себя съ владыкой и съ рабомъ.
Ни тать, ни врагъ, стихіи злобны
Ее похитить не удобны;
Въ сердцахъ она свой зиждетъ домъ.

* * *

Воззримъ на мужа благотворна: —
Что сладостнѣй его отрадъ? —
Улыбка нѣжна, не притворна,
Имъ воскормленныхъ отрочатъ;
Признательна слеза вдовицы;
Исторгнутыхъ изъ рукъ убійцы
Благословеніе сиротъ,
И вздохъ отрадный старца нища: —
Какая сердцу сладка пища!
Какой утѣхъ безсмертный плодъ!

Возмогутъ ли болѣзнь, гоненья,
Печаль и сонмъ напастей злыхъ,
Средь толь пріятна восхищенья
Не притупитъ всѣхъ жалъ своихъ,
И на стезяхъ колючихъ, тѣсныхъ,
Лишитъ его утѣхъ небесныхъ,
Восторга нѣжнаго сердецъ,
Когда за жизнью скоротечной
Ему священна вѣра вѣчной
Готовитъ радости вѣнецъ?

* * *

О вѣра! сладкіе уроки
Твои духъ слабый мой крѣпятъ;
Съ тобою и судьбы жестоки
Меня теперь ужъ не сразятъ.
Напасть, болѣзнь и скорбь и бѣдство,
Какъ человѣчества наслѣдство,
Съ терпѣньемъ буду принимать;
И въ тишинѣ, средь мала круга
Любезныхъ чадъ, жены и друга,
Блаженство временно вкушать.

А естьлибъ хоть на мигъ судьбину
Нещастныхъ могъ я усладить;
Хоть вздохъ, хотя слезу едину
Скорбящаго остановить,
Иль мокру осушить зѣницу:
О сколь всещедрую десницу
Творца благословилъ бы я!
Съ какой отрадою сердечной
У прага жизни безконечной
Предѣлъ бы жизни зрѣлъ сея.

* * *

Придижъ, весна! какъ ты цвѣтами
Пестришь поверхности полей,
Такъ дружества, любви вѣнками
Я путь моихъ усыплю дней.
Въ тѣнистыхъ рощахъ заблуждаясь,
Природы красотой плѣняясь,
Невидимыхъ небесъ красу
Въ ней, какъ въ зерцалѣ, зрѣть я стану,
И льститься, что хоть здѣсь увяну,
Плодъ въ вѣчности произнесу.

ОДА

на

смерть

ПЛѢНИРЫ.

Гдѣ отъ горести унылой
Гдѣ спастись отъ лютыхъ бѣдъ?
Нѣтъ въ живыхъ Плѣниры милой.
Милой другъ! тебя ужъ нѣтъ.
Но гдѣ въ скорби ни скрываюсь,
Все съ твоей мечтой встрѣчаюсь.
Въ смертну погруженный сѣнь
Зрю твой гробъ, вопль слышу слезный.
Все въ глазахъ твой видъ любезный
Мчится, о дражайша тѣнь!

Тѣнь дражайшая! смягчися;
Возвратись хотя на часъ;
Хоть на мигъ остановися;
Дай лобзать въ послѣдній разъ
Бѣлизной блестящу снѣжной
Руку, въ знакъ что дружбы нѣжной
Простирала къ другу ты.
Но, увы! ты отлетаешь;
Духъ мой въ горесть погружаешь,
Въ мраки мертвой пустоты.

* * *

Тщетно слезный токъ лїется;
Не смягчаетъ скорби злой.
Кровь на сердцѣ запечется,
Какъ лишь гробъ представлю твой.
Въ душу мнѣ онъ ужасъ сѣетъ.
Все въ глазахъ моихъ мертвѣетъ.
Каждый милый мнѣ предмѣтъ
Въ видѣ кажется увяломъ.
Смерть надгробнымъ покрываломъ
Весь завѣшиваетъ свѣтъ.

Въ рощуль скроюся густую,
Осень ужъ ее мертвитъ.
На женуль взгляну драгую,
Смертный одръ предъ ней стоитъ.
На дѣтей возрю ли милыхъ,
Вижу въ нихъ сиротъ унылыхъ.
Самъ, скитаясь межъ гробовъ
Мрачной кажется стезею,
Тѣнью предводимъ твоею,
Опускаюсь въ смертный ровъ.

* * *

Въ слѣдъ за скорбной сей мечтою
Скорбная летитъ мечта.
Вижу духомъ предъ собою
Тѣ печальныя мѣста,
Гдѣ теперь супругъ твой страстной
Удрученъ судьбой злощастной,
Горькія часы влачитъ;
Гдѣ отъ всѣхъ уединенный,
Всей душей въ твой гробъ вперенный,
Съ горестью одинъ сидитъ.

Мыслью зрѣть, дѣлить стремлюся
Скорби друга твоего;
Но съ нимъ встрѣтиться боюся.
Тщетно — въ живѣ зрю его. —
Въ домѣ семъ уединенномъ
На одрѣ сидя плачевномъ
Къ сердцу твой возглавъ онъ жметъ.
Испуская вздохъ глубокій,
По ланитамъ скорбны токи
Въ горестномъ забвеньи льетъ.

* * *

Льетъ, и ложе орошаетъ
Теплыми ручьями слезъ;
Радости воспоминаетъ
И жестокость зритъ небесъ. —
На одрѣ, гдѣ страстью тая,
Сердце къ сердцу прижимая
Мила нѣжилась краса;
Гдѣ лилейну грудь сей Розы
Черны осѣняли косы, ...
Смерти тамъ лежитъ коса.

Въ семъ чертогѣ испещренномъ
Хитрою ея рукой,
Въ храмѣ дружбѣ посвященномъ,
Гдѣ пріятствъ веселый рой
Въ слѣдъ за нею велъ утѣхи;
Гдѣ забавы, рѣзвость, смѣхи,
Ночь преобращали въ день,
Тамъ онъ въ горести постылой
При лучахъ луны унылой,
Съ страхомъ зритъ свою лишь тѣнь.

* * *

Сонъ смѣжитъ ли утомленны
Вѣжды, онъ драгую зритъ;
Жметъ въ объятія влюбленны:
Но она отъ нихъ бѣжитъ.
Онъ зоветъ ее, хватаетъ;
Пробудясь не обрѣтаетъ,
И.... мечту познавши путъ,
Съ страхомъ вспять на одръ валится.
Хладный потъ съ него катится,
Дыбомъ волоса встаютъ.

И се зритъ онъ предъ собою
Скорбной видъ мгновеній тѣхъ,
Какъ взмахнувши смерть косою
Вкругъ ея постѣли, всѣхъ
Ближнихъ и друзей стѣснила;
Какъ простясь она вперила
На него померкшій зракъ;
Къ небу взоръ возведъ вздохнула,
И въ послѣдній разъ сомкнула
Очи на его рукахъ.

* * *

О какой морозъ ужасной
Сердце льдомъ его покрылъ,
Какъ къ груди припадши страстной
Хладъ онъ смерти ощутилъ!
Какъ вдругъ общій вопль разлился! —
Мракъ въ глазахъ его сгустился.
Се, безчувственъ онъ лежитъ.
Мукъ ему разверзлась бездна. —
Но нѣтъ силъ. — завѣса слезна
Горестный скрываетъ видъ.

О почто же всѣмъ любезный,
Всѣхъ любящій человѣкъ,
Ближнимъ, обществу полезный
Кончитъ быстротечный вѣкъ?
А злодѣй корыстьми гладный,
Чуждой чести, крови жадный,
Поприще вражды течетъ
Посреди утѣхъ несмѣтныхъ,
И подъ сѣнью безнавѣтныхъ
Дней, должайшій вѣкъ живетъ?

* * *

Но что жизнь? — въ родахъ, — мученье;
Въ дѣтствѣ, — раболѣпства гнѣтъ;
Въ юности, — страстей волненье;
Въ мужествѣ, — труды суетъ;
Старость, — возвращаетъ въ дѣтство;
Смерть, — рожденія наслѣдство.
Вотъ что жизнь! — се нива золъ. —
Сѣетъ смерть и пожинаетъ;
Землю въ гробъ преобращаетъ,
Гробъ во мрачный свой престолъ.

Истинну сію печальну
Скорбный другъ мой испыталъ:
Чтобъ мѣту достигнуть дальну
Щастья, сколько протекалъ
Онъ путей и поприщъ трудныхъ!
Сколько стеръ клеветъ безстудныхъ;
Зависти, вражды препонъ!
Но весь трудъ, всѣ встрѣчи злыя
Для отрадъ жены драгія
Превозмогъ, и згладилъ онъ.

* * *

Се достигъ; — и безъ урона
Совѣсти, души своей,
Сталъ близь велелѣпна трона
На степень отликъ, честей.
Общее почтенье, вѣру
Пріобрѣвъ, онъ щастья мѣру
Вожделѣнну совершилъ;
И ее со мздой заслуги
Несъ къ ногамъ драгой супруги;
Несъ, — и въ гробѣ положилъ! —

О превратЪ! — рука судьбины
Для того ли насЪ ведетЪ
КЪ верьху щастья, чтобЪ сЪ вершины
Сринуть вЪ бездну злѣйшихЪ бѣдЪ?
СилЪ ли выспреннихЪ забава
Зрѣть какЪ сладкая отрава
Горшей смертью насЪ разитЪ?
И на толь? — но, умЪ строптивый!
Не ропщи; — твой слухЪ кичливый
Правды голосЪ да внушитЪ.

* * *

МірЪ сей злу порабощенный,
ГорнЪ есть испытаній намЪ.
Скорбь, недуги отравленны,
Бѣдства, се стезя душамЪ
Сквозь труды, боязнь, тревоги,
Сквозь печаль, лишенья многи,
Се стезя изЪ тьмы земной,
ИзЪ сего страданій дола,
ПредЪ небесный прагЪ престола
Вѣчной блещуща зарей.

Въ храмъ небесъ прешла отселѣ
Краткою стезей нашъ другъ.
Здѣсь въ ея прекрасномъ тѣлѣ
Ужъ виталъ небесный духъ.
Сердце вѣрою дышало,
Каждо чуждой скорьби жало
Грызло жалостливу грудь.
Дружество съ любовью нѣжной
Въ дебрѣ жизни сей мятежной
Ей прокладывали путь.

* * *

Вѣрь, мой другъ! и скорбь отрини;
Вѣрь, что слезъ твоихъ предмѣтъ
Изъ сей мрачныя пустыни
Въ вѣчный преселилась свѣтъ.
Что теперь твоя супруга
Верхъ земнаго темна круга,
На ліющихъ свѣтъ кругахъ,
Въ радость облачась, играетъ,
И съ отрадою взираетъ
На тлѣвающій свой прахъ.

Вѣрь, что мигъ тотъ, намъ плачевный,
Какъ померкъ въ ней свѣтъ очесъ,
Очи ей открылъ душевны
Зрѣть незримый свѣтъ небесъ.
Въ ровъ какъ гробъ ея спускали,
На воздушныхъ поднимали
Ангелы ее крылахъ.
Персть какъ съ заступа ссыпалась,
Благодать преизливалась
На нее въ златыхъ лучахъ.

* * *

Вѣрь, и не скорби душею
О потерѣ дорогой.
Радуйся: — Небесъ стезею
Ужъ она вошла въ покой,
Въ радужномъ вѣнцѣ побѣды.
Но отъ горныя бесѣды,
Какъ взойдетъ на холмъ луна,
Въ ризы скрывшися нетлѣнны
Прійдетъ въ часъ уединенный
Утѣшать тебя она.

О сниди, нашъ другъ небесный!
Лучь отрады въ насъ пролей;
Узелъ нашей дружбы тѣсной
Укрѣпи еще сильнѣй.
О сниди, пребудь межъ нами,
И эфирными руками
Обойми насъ, обласкай;
Отгони унылу скуку,
И сносить твою разлуку
Вѣрна друга научай.

* * *

Но, увы! суровымъ рокомъ
Я отъ друга удаленъ.
Во отчаяньи глубокомъ,
Въ коемъ днесь онъ погруженъ,
Мнѣ нельзя съ нимъ съединиться.
Въ разныхъ мы мѣстахъ томиться
Станемъ горестью одной.
Горесть нашу удвояетъ
Зла судьбина: разлучаетъ
Насъ другъ съ другомъ и съ тобой.

Но судьба насъ не разлучитъ:
Дружба съ нимъ соединитъ;
Жить съ тобой любовь научитъ,
И разлуку замѣнитъ.
Изваянный ликъ твой милой
Я поставлю надъ могилой
Скрывшей прахъ отца дѣтей.
Тамъ симъ видомъ привлеченна,
Снидешь друга зрѣть смущенна,
И мелькнешь въ душѣ моей.

* * *

Гробъ, гдѣ прежде взоръ мой бренный
Лишь пустыню находилъ,
Днесь мнѣ зрится населенный
Сонмами небесныхъ силъ.
Въ нихъ мнѣ будешь ты мечтаться,
И предъ всѣми отличаться
Лунно-видной бѣлизной,
Какъ сіяла между нами
Нѣжныхъ прелестей чертами
И душевной красотой.

О Д А

На

Твердость

духа.

Какъ въ устьи пристани глубокой
Вознесшись къ облакамъ скала
Стоитъ, и бури ревъ жестокой,
Сверканье молній вкругъ чела
И волны презираетъ яры.
Перуна пламенны удары
Изрыли весь ея хребетъ;
Но опаленну грудь громами
Она уперши въ понтъ, волнами
Тревожить пристань не даетъ.

Такъ мужъ судьбой опредѣленный
Отечества оградой быть,
Враждою ковы соплетенны
Какъ слабую терзаетъ нить.
Душей неколебимъ въ гоненьи,
О злобѣ, зависти, о мщеньи,
О самой смерти небрежетъ.
Грудь тверду злобѣ представляя,
И жизнь всѣмъ бѣдствамъ подвергая
Хранитъ Отечество отъ бѣдъ.

* * *

Безплодно подлость, лесть, измѣны,
Ехидны спутницы вельможъ,
Какъ смертоносныя Сирены
Сплетаютъ ядовиту ложъ;
Враги открыты тщетно злятся,
На пагубу его стремятся;
И всуе рокъ его разитъ:
Онъ тѣхъ какъ червь ногами давитъ;
Симъ крѣпость мышцъ противу ставитъ,
Судьбѣ терпѣнья твердый щитъ.

Кому Отечество вручило
Вѣсы суда, защиты мечь,
Или правленія кормило,
Тотъ долженъ путь опасный течь
О личной пользѣ не радѣя;
Въ врагѣ лишь общества злодѣя
Онъ долженъ видѣть своего.
Въ душѣ того кто долгу жертва
Какъ собственность, такъ личность мертва;
Народно благо, жизнь его.

* * *

Онъ щитъ судьбою утѣсненныхъ
Покровъ безгласныхъ вдовъ, сиротъ;
Рукой неправды угнѣтенныхъ
Подпора тверда и оплотъ.
Противъ враговъ идущихъ боемъ,
Отечеству съ драгимъ покоемъ
Имѣнье, жизнь свою даритъ.
Падетъ ли средь кровавой рати,
И мертвъ въ сердцахъ своихъ собратій
Любовь къ отечеству живитъ.

Такіе въ сонмѣ Россовъ были
Пожарской, *Мининъ*, *Филаретъ*.
Яремъ Сарматскій сокрушили
Они подъ лаврами побѣдъ.
Но тѣ, что за отчизну пали,
Не вящель благо назидали? —
Хоть *Курцій* жертвой Риму былъ,
Но *Регула* неколебима
Примѣръ его къ спасенью Рима
На остры гвозди положилъ.

* * *

Текижъ — и ты, поставленъ рокомъ
Въ столпы отечества! крѣпись.
Орелъ! въ пареніи высокомъ
Спуститься долу берегись.
Продерзкій рогъ сломи строптивыхъ;
И знай, что на путяхъ правдивыхъ
Коль мужъ великій и падетъ,
Онъ въ памяти потомства встанетъ.
Лавръ славы въ смерти не увянетъ,
Но въ вѣкъ на гробѣ процвѣтетъ.

Мужѣ доблестьми превознесенной
Изѣ пепла вновь себя родитѣ.
Какѣ злато вѣ горнѣ искушенно
Лучемѣ сугубымѣ возблеститѣ.
И ни вражда, что царства гложетѣ,
Ни ржа временѣ изгрызть не можетѣ
Не тлѣющихѣ его добротѣ.
Вѣ сердцахѣ онѣ памятникѣ воздвигнетѣ,
Что края вѣчности достигнетѣ,
Священѣ потомству вѣ родѣ и родѣ.

Пожарскій, Мининъ, Филаретъ. — *Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій* Стольникъ и Полковникъ, съ помощію купца *Козьмы Минина,* собравъ охотное войско въ Нижнемъ Новгородѣ, освободилъ Москву отъ Поляковъ, отразилъ Шведовъ, и очистя Россію отъ насилія сихъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ мятежныхъ самозванцовъ, наиболѣе споспѣшествовалъ возведенію на престолъ Михайла Федоровича Романова; котораго отецъ *Митрополитъ Филаретъ,* въ темницѣ Поляками до чрезмѣрности угнѣтаемый, никакъ не согласился утвердить избраніе въ Цари Польскаго Королевича Владислава, учиненное нѣкоторыми Россійскими вельможами; коихъ имена, къ отрадѣ ихъ потомства и отечества, да пребудутъ вѣчно неизвѣстны.

М. Курцій. — Въ Римѣ на площади разсѣлась земля и открылась пропасть. Устрашенному народу прорицатели отвѣчали, что она не закроется пока не ввержено въ нее будетъ то, что всего драгоцѣннѣе въ Римѣ.

М. Курцій Римскій Кавалеръ, заключа что прорицаніе знаменовало тѣмъ Римскаго гражданина, самопроизвольно бросился въ оную пропасть; которая, какъ преданіе удостовѣряетъ, въ тотъ же самый часъ и закрылась.

М. Атилій Регулъ. — Консулъ Римскій, въ перьвую Пуническую войну взятый Карфагенцами въ плѣнъ, былъ отъ нихъ посланъ въ Римъ для увѣщанія соотечественниковъ своихъ къ размѣну плѣнныхъ, съ угроженіемъ, что преданъ будетъ мучительнѣйшей смерти, ежели въ таковомъ препорученіи не успѣетъ. По прибытіи въ Римъ убѣдилъ онъ Сенатъ, желающій для освобожденія его отъ неволи и смерти, исполнить предлагаемый размѣнъ, дабы отверженъ былъ оный. И такъ невзирая на прозьбу Сената, моленіе народа и слезы жены и дѣтей, возвратился въ Карфагену; гдѣ по повелѣнію раздраженнаго Сената и народа мученъ былъ долговремянно въ ящикѣ желѣзными гвоздями набитомъ; а наконецъ распятъ на крестѣ и преданъ смерти.

ОДА

На

Униніе.

Дни отрадны! гдѣ сокрылись
Ваша свѣтлость и красы?
Мракомъ скорби осѣнились
Прежде ясные часы.
Все въ глазахъ моихъ унылой,
Томный принимаетъ видъ.
Горесть скукою постылой
Все, что мило мнѣ, мертвитъ.

* * *

Какъ пріятно разцвѣтало
Утро юныхъ, свѣтлыхъ дней! —
Въ полдень облако застлало
Жизни горизонтъ моей.
Маркъ вокругъ меня сгустился;
Туча двигнулась съ грозой;
Съ бурей вихрь свирѣпый свился;
Громъ сверкаетъ надъ главой.

Смертныхъ жизнь! о сколь ужасенъ
Золъ приливъ твой и отливъ! —
Въ щастьи вздремлешь безопасенъ,
А проснешся нещастливъ.
Такъ, средь нѣгъ, среди покою,
Пасть и мнѣ открылась бѣдъ.
Горесть острою косою
Дней моихъ посѣкла цвѣтъ.

* * *

Лугъ весенній украшая,
На зарѣ цвѣтокъ разцвѣлъ;
Ароматами дыхая
Лакомыхъ манитъ онъ пчелъ.
Мотылекъ на немъ садится
Съ бабочкой рѣзвясь драгой;
И прохожій веселится
Раннею его красой.

* * *

Но внезапно червь презрѣнный
Подъѣдаетъ корешокъ:
Вянетъ стебль и листъ зеленый;
Клонитъ голову цвѣтокъ,
Блекнетъ, сохнетъ и мертвѣетъ.
Странникъ изумленный сталъ,
Удивляется, жалѣетъ:
„Какъ толь рано онъ увялъ?„

Такъ и я въ тоскѣ томлюся;
Душу скорбь, какъ червь, грызетъ;
Но куда ни оглянуся,
Сострадающего нѣтъ;
И любовью сердце жадно
Къ чьей груди ни приложу,
Всюду токмо чувство хладно,
Иль измѣну нахожу.

* * *

О когдабъ я могъ мгновенно
Въ дикій пренестись предѣлъ,
Гдѣ бы лѣсъ дремучій, темной,
Въ вѣкъ людскихъ слѣдовъ не зрѣлъ;
Гдѣбъ не стлался дымъ жилищный,
Ловчихъ кликъ не слышенъ былъ;
Гдѣбъ лишь звѣрь скитался хищный,
На пещерахъ съ бурей вылъ.

* * *

Тамо на скалѣ кремнистой,
Ударяемой волной,
Сѣвъ, подъ сосной мрачной, мшистой,
Я бы гласъ унылый мой,
Вопль, стенанье безотрадно,
Съ стономъ бури съединялъ;
И безчувственностью хладной
Никого не упрекалъ.

Но кудабъ ни тщился скрыться,
Скорбь вездѣ пойдетъ во слѣдъ.
Гдѣжъ возможно защититься
Отъ грызенья лютыхъ бѣдъ?
Гдѣ, какъ не въ земной утробѣ?—
Міръ есть горести престолъ.
Въ тѣсномъ токмо, въ мрачномъ гробѣ
Мы избавимся отъ золъ.

* * *

Поспѣшижъ, о смерть отрадна!
Тронься горестью моей;
Пусть твоя десница хладна
Очи мнѣ смѣжитъ скорѣй.
Мать земля! и ты смягчися;
Попусти мнѣ въ вѣчность шагъ.
Лоно мрака! разступися,
И отъ скорби скрой мой прахъ.

Годовое воспоминовеніе

ПЛѢНИРИНОЙ

кончины.

Уже златыми полосами
Восточны свѣтлы облака
Разсѣкло солнце, и лучами
Зажгло багряны ихъ бока.
Умытая росой природа,
Ликуетъ часъ его восхода,
И имъ любуется въ струяхъ.
Цвѣты ему благоухаютъ,
И хоры птицъ его встрѣчаютъ
Парящего на небесахъ.

Благословлю тебя, священный
И купно безотрадный день!
Гони печали мракъ сгущенный,
Какъ ночи разогналъ ты тѣнь.
Ужъ солнце кругъ свой совершило,
Съ часа какъ горестью унылой
Грызетъ меня Плѣниры смерть.
Но ни быстротекуще время,
Ни новыхъ злоключенiй бремя
Не могутъ лютой скорьби стерть.

* * *

Вотще весна прогнавши хлады
Природѣ нову жизнь даетъ;
Для новыхъ ей красотъ, отрады,
Изъ нѣдръ земли цвѣты зоветъ;
Вотще все: — ей не внемлютъ гробы! —
Во вѣкъ изъ нѣдръ земной утробы,
Для новой жизни здѣсь, твой прахъ
Не встанетъ, милая Плѣнира!
Твой духъ на крылiяхъ Ефира
Паритъ ужъ въ свѣтлыхъ облакахъ.

Ликуй же средь безмрачна круга,
Въ небесномъ сонмѣ веселись;
Но иногда на вѣрна друга
Съ пріятнымъ чувствомъ оглянись.
Воззри какъ съ ревностью сердечной
Твою любезну память вѣчно,
Твой образъ онъ въ душѣ хранитъ.
Воззри какъ день твоей разлуки,
Источникъ горькій слезъ и муки,
Съ благоговѣньемъ онъ святитъ.

* * *

Надъ милыми дѣтей гробами,
Надъ симъ убѣжищемъ святымъ,
Изъ незабудковъ съ васильками
Сплетеннымъ имянемъ твоимъ
Простой тебѣ олтарь украшу.
Тамъ горсть пшеницы, меда чашу,
Въ даръ памяти твоей драгой
Поставлю; фиміамъ возжется;
И теплыхъ слезъ потокъ прольется,
Съ усердной къ небесамъ мольбой.

Пріими сей даръ, о тѣнь драгая!
Пріими; съ превыспреннихъ спустись,
И въ легкомъ вѣтеркѣ летая
Горячей сей груди коснись;
Пролей въ нее покой, отраду;
И вѣрна дружества въ награду,
Когда у олтаря сего
Склонюсь почить въ уединеньи,
Пріиди хотя во сновидѣньи
Утѣшить друга твоего.

ОДА

на

Дружество.

Вѣ полнощи, вѣ темнотѣ ненастной,
Вѣ пустынѣ дикой и глухой,
Свратясь сѣ пути пришлецѣ нещастной
Ступаетѣ трепетной ногой.
Преслѣдуемѣ, ведомый страхомѣ,
Встрѣчаетѣ онѣ предѣ каждымѣ шагомѣ
Потоки, тернѣ, стремнины, рвы;
Вокругѣ звѣрей вой слышитѣ гладный. —
Власы подѣемлетѣ ужасѣ хладный,
И хладный потѣ катитѣ сѣ главы.

Въ толикомъ бѣдствѣ изнуренный,
Отверзтый видя смерти зѣвъ,
Какой отрадой восхищенный
Зритъ нѣкій свѣтъ онъ межъ деревъ!
Летитъ къ нему чрезъ страхъ, чрезъ бездны,
И въ радости льетъ токи слезны
Къ любезну Фаросу достигъ.
Тутъ зритъ селенья знаки милы. —
Съ плечей стрясаетъ страхъ унылый,
И бѣдства забываетъ въ мигъ.

* * *

Лучемъ огня, лучемъ надежды
Живитъ и чувства онъ и духъ;
Дождемъ проникнуты одежды
Развѣшиваетъ, стелетъ вкругъ.
Сухія вѣтьви собираетъ,
Отрадно огнище питаетъ;
И гладнымъ въ страхъ звѣрямъ кругомъ
Спѣшитъ зажечь костры огромны;
Средь ихъ возлегши члены томны
Живительнымъ покоитъ сномъ.

Такой отрадою сердечной,
Такимъ восторгомъ оживетъ,
Кто въ жизни скорбной, скоротечной,
Прямаго друга обрѣтетъ.
Другъ истинный, нелицемѣрный,
Въ распутіяхъ сей жизни, вѣрный
Покажетъ намъ ко щастью путь;
Поддержитъ въ бѣдствіи падущихъ;
Противу золъ на насъ текущихъ
Незыблему подставитъ грудь.

* * *

О дружество, союзъ священный!
О сладостныхъ отрадъ вѣнецъ!
И рокъ не двигнетъ разъяренный
Тобой двухъ связанныхъ сердецъ.
Они равно дѣля напасти,
Утѣхи, страхъ, надежду, страсти,
И мысль, и даже и бытіе,
Двѣ души во одну сливаютъ;
Другъ друга щастьемъ удвояютъ
И жизнь и щастіе свое.

Но гдѣ, въ какомъ краю забвенномъ,
О дружество! твой взоръ блеститъ?
Въ семъ мірѣ злобой развращенномъ
Лишь имя намъ твое звучитъ;
И имя ужъ сіе святое
Въ орудіе коварства злое
Пороками обращено:
Личиной, взору смертныхъ милой,
Оно корысти видъ постылой
И лесть скрывать принуждено.

* * *

Въ честь дружбы многи возвышаютъ
Тьму пышныхъ храмовъ, олтарей;
Но фиміамы воскуряютъ
Лишь гнусной выгодѣ своей.
Усиліемъ друзей достигнувъ
Манящей цѣли, и воздвигнувъ
Ихъ дланьми столбъ желанныхъ благъ,
Презрѣть любовь ихъ не стыдятся;
Отъ вида скорби ихъ страняться
Холодный отвращая зракъ.

Широкій такъ потокъ въ долинѣ
Влачитъ лѣнивыя струи,
Совокупя въ сухой вершинѣ
Ключь свѣжій, чистые ручьи;
Теперь богатъ, течетъ безъ рева,
И естьли камень, корень древа,
Токъ слабый отъ него дѣлятъ,
Онъ все спокойно протекаетъ.
Гнилой лишь въ брегѣ илъ питаетъ,
Презрѣнный злакъ и вредный гадъ.

* * *

Куда, Оресты! вы сокрылись?
Пилладовъ, гдѣ теперь найти?
И васъ друзья! что жизнь стремились *)
Другъ другу въ жертву принести?
Вы злость мучителя плѣнили;
Безсильны страхи смерти были

---

*) Повѣсть о двухъ истинныхъ друзьяхъ Пифіѣ и Дамонѣ, смягчившихъ великодушнымъ другъ за друга жертвованіемъ

Вашъ узелъ дружества сотретъ.
Васъ дверь не разлучилабъ ада.
Вамъ щастье все и вся отрада:
Житъ съ другомъ, съ другомъ умеретъ.

* * *

Такъ два источника съ вершины
Сливаяся одинъ съ другимъ,
Катятся чрезъ скалы, стремнины;
Встрѣчающіесь камни имъ
Взаимной силой низвергаютъ;
Въ долу токъ ясный проливаютъ
По чистому песчану дну;
И странника изнеможенна,
Съ пути журчаньемъ привлеченна,
Ко сладкому склоняютъ сну.

свирѣпство Діонисія тирана Сиракузскаго, извѣстна каждому любопытствующему о произшествіяхъ, дѣлающихъ честь роду человѣческому.

Се образъ дружбы предковъ Росса. —
Но ядъ, о роскошъ! сладкій твой
Ослабилъ твердый духъ колосса.
Исчезли съ древней простотой
Восторги дружества священна.
Земля за злобу осужденна
Измѣнъ лишь зрѣть ехидный плодъ;
И дружбы лучь, любви сердечной,
Утѣшить не прійдетъ ужъ вѣчно
Осиротѣвшій смертныхъ родъ.

* * *

Сердца ихъ такъ оледенѣли,
Какъ сѣверъ, снѣгъ родящь и хладъ;
Куда ни разъ не долетѣли
Денницы блескъ, ни солнца взглядъ.
Тамъ мрачна ночь сномъ вѣчнымъ дремлетъ,
Хотяжъ въ жестокій мразъ обьемлетъ
Покровъ ея богровый лучь;
То крововидное сіянье
Есть страшно смертнымъ предвѣщанье
Иль язвы, иль военныхъ тучъ.

Но не ужель во всей вселенной
И искры дружбы нѣтъ прямой? —
Никакъ; — отъ пышныхъ удаленно
Палатъ, темницы золотой,
Скитаясь во изгнаньи строгомъ,
Въ пастушьемъ шалашѣ убогомъ
Склонилось дружество почить;
Тамъ вѣрностью и простотою
Пріятно, съ сей драгой четою
Въ безмолвіи осталось жить.

* * *

О сколь тотъ край уединенный
Мнѣ милъ, гдѣ въ юности, мой другъ!
Взаимнымъ чувствомъ привлеченный,
Плѣнился дружествомъ нашъ духъ!
Гдѣ рѣзвыми крѣпясь играми
Росло оно, мужало съ нами,
Пока до зрѣлости дошедъ,
Явилось, искушенно рокомъ
Въ превратѣ случаевъ жестокомъ,
Превыше щастія и бѣдъ.

Сколь кратЪ ты смерти предавался
Жизнь друга твоего храня!
ПослѣднихЪ хлѣба крохЪ лишался
Взводя изЪ нищеты меня.
ПрезрѣвЪ спокойствіе, забавы,
МоихЪ лишь алчешь выгодЪ, славы;
Моей надежды ждешь плодовЪ;
Моими горестьми томишся;
На страхЪ на смерть со мной стремишся;
Вознесть меня, иль пасть готовЪ.

* * *

ЧтожЪ вЪ томЪ? — здоровье, дарЪ безцѣнный,
Тончащуюся жизни нить,
На жертву дружбѣ принесенны,
Ты можешь токмо оживить
ПодЪ чуждымЪ, кроткимЪ небосклономЪ.
Жестокія судьбы закономЪ
Оставить долженЪ ты меня.
Оставь; — теки; — мой другЪ любезной!
Столь горькой, но тебѣ полезной
Разлукѣ не противлюсь я.

Оставь — но на кого въ разлукѣ
Меня оставишь ты? мой другъ!
Въ унылой погруженный скукѣ,
Ни въ томномъ сердцѣ, ни вокругъ
Во всей обширности вселенной,
Въ глазахъ моихъ опустошенной,
Отрадъ, спокойства не найду:
Драгою окруженъ семьею,
Какъ странникъ я осиротѣю,
И скорбью удрученъ паду.

* * *

Кто бальзамъ мнѣ подастъ сердечной
Стенящему на единѣ?
Кто въ мракъ сходящу ночи вѣчной
Закроетъ томны вѣжды мнѣ?
Кто безъ тебя, супруги страстной,
Тогда вдовы моей нещастной,
Отчаянныхъ сиротъ моихъ
Отцемъ останется, подпорой?
Кто помощи рукою скорой
Осушитъ слезны токи ихъ?

А ты, мой другЪ! средь шумна круга
Не будешь ли уединенЪ?
ГдѢ вѢрнаго ты сыщешь друга? —
ПредѢлЪ дней нашихЪ сокровенЪ;
Но сколь жизнь ни кратка, ни бренна,
Пріятность дружества священна
Ее длить можетЪ во сто разЪ.
Чувствительное сердце знаетЪ,
Что жизнь должайшу замѢняетЪ
ОдинЪ веселый сЪ другомЪ часЪ.

* * *

И такЪ, да не разлучитЪ вѢчно
Черта насЪ жизни ни одна!
ПожнемЪ плоды любви сердечной.
Пускай отеческа страна,
Котора насЪ на свѢтЪ пріяла,
ВзлелѢела и воспитала,
ВоспріиметЪ вЪ нѢдро насЪ свое.
Лежавшіе вЪ одной утробѢ,
СпряжемЪ, вЪ одномЪ возлегши гробѢ,
И вЪ смерти наше бытіе.

Предѣлъ, гдѣ общій прахъ нашъ тлѣнной
Отъ смертныхъ будетъ сокровенъ,
Четѣ любовію возженной
На вѣкъ останется священъ.
А скрытый врагъ, другъ лицемѣрной
Коснутися рукой невѣрной
Гробницѣ нашей не дерзнутъ;
Злой совѣсти жестоки пени,
Грозящіе отмщеньемъ тѣни
Оттоль ихъ съ страхомъ отженутъ.

* * *

Но естьли вѣрностью плѣненны
Прійдутъ на гробъ нашъ два друзья,
Тутъ клятвы подтвердить священны
Нелестной дружбы своея;
Взаимной ихъ любови пламень,
Проникши хладный гроба камень,
Мгновенно оживитъ нашъ прахъ;
И наши тѣни вознесутся,
Надъ ихъ главами обоймутся,
И возъиграютъ въ облакахъ.

ЛИРИЧЕСКІЯ

МѢЛОЧИ.

ЧИЖИКЪ.

Милой чижикъ желтобокой!
Къ верху другъ мой! не взлетай.
Не клади гнѣзда высоко,
Но въ густой травѣ свивай.
Посмотри какъ ястребъ гладный
Надъ тобою ужъ виситъ.
Какъ твоею кровью жадный
Кохти на тебя остритъ.

* * *

Выросъ илемъ надъ горою:
Что же? — зной ли дышетъ, — жжетъ.
Буряль налетитъ съ грозою, —
Ломитъ вѣтьви, листья рветъ.
А въ долинѣ ива мшиста
Бури не боясь стоитъ.
Тамъ струя катится чиста
И ее въ зною поитъ.

Такъ зачѣмъ и мнѣ крушиться
Что вельможей не рожденъ?
Тотъ пусть ищетъ вѣкъ томиться
Кто тщеславіемъ вскруженъ.
Яжъ подъ горною стезею.
Отъ сует мірскихъ уйду.
Трудъ дѣля съ драгой семьею,
Щастье въ нищетѣ найду.

НЕВѢРНОСТЬ ЛИЗЕТЫ,

Подражаніе пѣсни:

o ma tendre musette —

Поля, лѣса густые!
Спокойствія предѣлъ!
Гдѣ дни мои златые,
Гдѣ я Лизету пѣлъ!
Судьбы моей премѣну
Теперь я вамъ пою:
Лизетину измѣну
И вѣрность къ ней мою.

* * *

Въ глазахъ ея всечасно
Любви я пламя зрѣлъ;
Я мнилъ, что также страстно
И духъ ея горѣлъ:
Но взоръ младой Лизеты
Стремился лишь плѣнять. —
Ахъ! какъ въ такія лѣты
Умѣть ужъ измѣнять!

Пріятны разговоры,
Улыбка, страстный видъ,
И самы нѣжны взоры,
Все въ ней притворно льститъ.
Но все въ ней прелесть нова!
Ахъ! пусть онабъ была
Или не такъ сурова,
Или не такъ мила.

* * *

Лѣсокъ, гдѣ я тоскую!
Гдѣ щастье зрѣлъ мое!
Напомни мнѣ драгую,
Я все люблю ее.
Ея невѣрность знаю,
Тьму горестей терплю;
Всечастно ей пеняю
А все ее люблю.

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ.

Уже со тьмою нощи
Простерлась тишина.
Выходитъ изъ за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Пѣть скорбь объявшу духъ.
Пріиди грустить со мною,
Луна, печальныхъ другъ!

* * *

У хладной сей могилы,
Подъ тѣнью древъ густыхъ,
Внемли мой вопль унылый
И вздоховъ стонъ моихъ.
Здѣсь дочери любезной
Прахъ милый погребенъ.
Я лишь надъ нимъ токъ слезной
На вѣки осужденъ.

Подобно розѣ нѣжной
Ты, дочь моя! цвѣла.
Ты въ жизни сей мятежной
Мнѣ другъ, мнѣ все была.
Теперь тебя теряя;
Осталось жизнь скончать;
Иль скорбно грудь терзая,
Всечасно умирать.

* * *

Но пѣсни сей плачевной
Прервать я долженъ стонъ:
Слезами омоченной
Нѣмѣетъ лиры звонъ.
Безмолвною тоскою
Сильняй тѣснится духъ: —
Прійдижъ грустить со мною
Луна! печальныхъ другъ!

ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

Тринадцать лѣтъ прошло
Какъ небо васъ связало.
Хоть время и текло,
Но щастіе стояло;
И крылушки прижавъ
Любовь при васъ осталась:
Цѣпями васъ сковавъ
Къ вамъ ими приковалась.

* * *

Пребудь здѣсь въ вѣкъ любовь! —
Ты сколькобъ ни летала,
Себѣ пріюту вновь
Такогобъ не сыскала.
А время! ты лети. —
Хоть все ты въ мірѣ гложешь,
Но щастья унести
Друзей моихъ не можешь.

НА РАЗЛУКУ.

Ясна ночь: небесъ свѣтила
Полнымъ свѣтомъ къ намъ блестятъ.
Лишь одна луна уныла
Полсокрытый кажетъ взглядъ.
Чтожъ, луна! зачѣмъ закрыла
Полкрасы ты своей? —

„Ненавистна тѣнь затьмила
„Солнце, кѣмъ сіяю я.

* * *

Игръ веселость оживила
Дѣвъ прекрасныхъ хороводъ.
Сашенька одна уныла
Горькихъ слезъ потоки льетъ.
Сашенька! зачѣмъ же скукой
Ты тѣснишь веселый духъ? —

„Скорбной удаленъ разлукой
„Кѣмъ живу мой милой другъ.

Не на вѣки заграждаетъ
Тѣнь сіянью солнца путь;
И луна ужъ поспѣшаетъ
Полнымъ къ намъ лицемъ взглянуть.
Сашенька! не будь уныла;
Не томи твой нѣжной духъ.
Вѣдь не смерть васъ разлучила,
Возвратится милой другъ.

СТАРОСТЬ и МЛАДОСТЬ.

Хвалятъ старое вино;
Правда, веселитъ оно.
Выхваляютъ стара друга;
Правда, сердце онъ дѣлитъ.
Но млада, мила подруга
Обоихъ мнѣ замѣнитъ.

* * *

Можетъ быть за правду эту
Свѣтъ и насмѣется мнѣ:
Да вольножъ смѣяться свѣту.
Что пріятно въ старинѣ
Тѣмъ отнюдь я не гнушаюсь: —
Скуку и печаль стараюсь
Въ старомъ утопить винѣ;
Съ старымъ другомъ вѣчно буду
Душу отводить душой:
А съ подругой молодой
Свѣтъ весь и себя забуду.

Хвалятъ старое вино;
Правда, веселитъ оно.
Выхваляютъ стара друга;
Правда, сердце онъ дѣлитъ.
Но млада, мила подруга
Обоихъ мнѣ замѣнитъ.

МОТЫЛЮКЪ.

Къ верху жаворонокъ вьются;
Надъ горой летитъ соколъ;
Выше облаковъ несіотся
Къ солнцу дерзостный оріолъ.
Но летаетъ надъ землію
Съ мягкой травки на цвѣтокъ,
Нѣжной пылью золотою
Отягченный мотыліокъ.

* * *

Такъ и мнѣ судьбою вѣчно
Низкій положенъ предѣлъ.
Въ урнѣ роковой конечно
Жребій мой отяжелѣлъ.
Какъ случай ни потрясаетъ
Урну; все успѣха нѣтъ;
Какъ жезломъ въ ней ни мѣшаетъ,
Жребій мой на низъ падетъ.

Такъ и быть; пусть на вершинѣ
Сильные дубы стоятъ;
Вѣтры бурные въ долинѣ
Низкимъ лозамъ не вредятъ.
Естьлижъ рокъ и тутъ озлится,
Что осталося? — терпѣть. —
Болѣ щастливый боится
Чѣмъ нещастный умереть.

ЕПИГРАММЫ

И

НАДПИСИ.

ЕПИГРАММЫ.

На переводъ мой комедіи Моліеровой Сганарева, или мнимаго рогоносца.

Никто не могъ узнать изъ цѣлаго Партера
Кто въ *Сганаревѣ* смѣлъ такъ острамить *Мольера*?
Но общій и согласный свистъ
Всѣмъ показалъ, что то *Капнистъ*.

* * *

Сказавшему обо мнѣ, въ семьѣ не безъ урода:

Не грубостью твоей меня ты огорчаешь;
Но ласки *Стиховралъ* несносны мнѣ твои:
За что меня въ твое семѣйство ты вмѣщаешь!
Ну! пусть я и уродъ, да не твоей семьи.

* * *

Недавно вздумалось *Героду*
Въ двѣ строфы сдѣлать оду,
И только лишь о томъ
Геродъ нашъ суетится,
Чтобы своимъ ее наполнить всю умомъ;
Посѣтуйте о немъ:
Бѣдняшка разорится!

* * *

Напрасно *Стихобрѣдъ* сказалъ,
затомъ ужъ давно осла я почиталъ:
Я право побожуся
Что въ жизнь осла и не видалъ,
А въ правдѣ сей пошлюся
На *Стихобрѣда* самаго:
Пускай онъ скажетъ самъ, гдѣ видѣлъ я его?

НАДПИСИ.

Седмь знатныхъ городовъ Европы и Ассіи
Стязались; кто изъ нихъ Омира въ свѣтъ родилъ?
Кастровъ ихъ споръ рѣшилъ:
Въ стихахъ своихъ Россіи
Отца стиховъ усыновилъ.

* * *

На переводъ Анакреонта, приписанный Маріѣ Алексѣевнѣ Львовой.

За чѣмъ, какъ Мотылїокъ,
Съ цвѣточка на цвѣтокъ,
Анакреонтъ безпечно
Весь вѣкъ свой пролеталъ?

Такой, какъ Ты, конечно
Онъ розы не сыскалъ.

* * *

Отецъ мой здѣсь лежитъ, пришлецъ! остановися,
И помолися:
Чтобъ богомъ такъ любимъ онъ былъ,
Какъ ближнихъ онъ любилъ!

* * *

Титовой прахъ лежитъ въ могилѣ хладной сей,
Чувствительну красу, пріятность съ добротою
Посѣкла смерть косою
Прервавши нѣжну нить ея цвѣтущихъ дней,
Любовь! вздохни о ней.

ПИСЬМО

къ Господину К....., сочинителю Сатиры первой.

Государь мой!

Различные толки объ вашей Сатирѣ и ропотъ, который она произвела во многихъ домахъ, принудили меня прочесть ее. Я увидѣлъ, что она по справедливости вооружила противъ себя всеобщую хулу; ибо поносить людей, отмѣнившихся, какъ достоинствами, знаніями, такъ и заслугами своими, вамъ и всякому предосудительно. *Весевкинъ, Никошевъ* и прочіе *) сочиненіями своими прославившіеся въ публикѣ, заслуживаютъ преимущество предъ тѣми, которые злословя почтенія достойныхъ людей, ни чѣмъ себя въ свѣтѣ отличить ни умѣли. Вы сами признаетесь, что никто изъ вашихъ

---

*) *Ввсевкинъ*, *Никошевъ* и прочіе смотри послѣднее примѣчаніе мое на Сатиру.

согражданъ не можетъ самовольно дѣлаться судьею, а кольми паче ругателемъ вашимъ. Признайтеся же и въ томъ, Государь мой, что вы непростительно погрѣшили противъ правилъ благоразумія, помѣстя въ число глупцовъ равныхъ вамъ, или достойнѣе васъ сочленовъ общества и противъ правилъ честности, когда обезобразивъ ихъ имена, вы отдали на поруганіе всего свѣта, или справедливѣе сказать всего свѣта невѣждъ; ибо умные люди всегда будутъ умѣть сдѣлать различіе между дерзскимъ ругателемъ и ругаемыми достоинствами.

О слогѣ вашей Сатиры, не упоминая о многихъ слабыхъ и низкихъ мѣстахъ, скажу я только то, что и въ самомъ началѣ оныя, гдѣ кажется вы старались собравъ всѣ силы вашего разума, ополчиться на пороки, нѣтъ ни одного стиха, которой бы не былъ повтореніемъ того, что другіе писатели прежде васъ написали. На примѣръ вы говорите:

Кто сколько ни сердись, а я начну браниться.

См. Сатиру 1 ст. 1.

То же, что и Господинъ *Боало*:

„Dut ma muse par la choquer tout l' univers
„Riche, gueux, triste ou gai je veux faire de vers
Sat. VII. vers. 67.

Вы прибавляете:

Съ безд҄ѣльствомъ, съ глупостью людской мнѣ не ужиться.
Сатира 1 ст. 2.

Въ етомъ мѣстѣ кажется не *Боало* вамъ подражалъ сказавъ:

„Mais moi vivre a Paris eh! qu'y voudrois je faire?
Sat. 1 vers 1.

Вашъ стихъ:

Вездѣ продерзостный безпутство кажетъ видъ.
Сатира 1 ст. 3.

Не такъ богатъ, какъ *Боаловъ*:

„Où le vice orgueilleux s' erige en souverain
„Et va la mitre en tete et la crosse a la main
Sat. 1 vers 131 et 132.

За то слѣдующій:

Безчестїе въ чести, изъ моды вышелъ стыдъ.

Богатѣе, нежели его етотъ:

„Le merite et l' esprit ne sont plus à la mode.„

Вы сказали:

Гдѣ съ кѣмъ я ни сойдусь, съ кѣмъ рѣчь ни начинаю.

Или невѣжество, или порокъ встрѣчаю.

Сатира 1. ст. 5. 6.

По видимому наслышались отъ *Ваньки*, который говоритъ:

Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.

И всякой, чтобъ набить потуже свой карманъ.

За благо разсудилъ приняться за обманъ.

Смотри посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ ст. 50. 58. 60.

Ибо Г. *Боало* нѣсколько иначе изъясняется въ етомъ случаѣ:

„Je n' apperçois par tout que folle ambition

„Foiblesse, iniquité, fourbe corruption.

Sat. XI. vers 15. 16.

Что касается до вашего:

Куда ни кинь, такъ клинъ.

Сатира 1 ст. 7.

То я не знаю сочинителя, который бы ето написалъ, но за неименіемъ онаго вы могли отъ вашего портного заимствовать сію пословицу.

Наконецъ утверждая, что,

Тотъ честенъ, такъ глупецъ.

А тотъ уменъ, такъ плутъ, ханжа, обманщикъ, лъстецъ.

Сатира 1 ст. 7 8.

Вы утверждаете мнѣніе Г. Сумарокова. Когда онъ говоритъ:

То глупо, то безчестно.

Или:

Тотъ тѣмъ, а тотъ другимъ худенекъ, или худъ.

См. Г. Сумар. Сат. VIII. ст. 31. 33.

Словомъ, я сожалѣю только для чего ко всѣмъ симъ стихамъ вы неприсовокупили образомъ подражаніяжъ и сію истинну: „Ridentur mala qui componunt carmina.„

Ибо ежели Горацій подъ словомъ carmina разумѣетъ и Сатиру, то вы не сыщете стиха, которой бы больше пристоенъ былъ къ вашему сочиненію.

Теперь открывъ вамъ мои мысли объ васъ и о вашей Сатирѣ, я предоставляю вамъ мыслить съ какимъ я къ вамъ почтеніемъ пребываю.

Государь мой

Вашъ покорный слуга Д. —

Сіе письмо сочинителемъ напечатано было въ Санктпетербургскомъ вѣстникѣ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, 1780 году.

Въ первой части Собесѣдника любителей Россійскаго слова на стран. 37. напечатано ко мнѣ письмо, въ заглавіи котораго поставленъ сей стихъ:

„Reveille toi mortel deviens utile au monde,
„Sors de l'indifference ou languissent tes jours.

„Thomas devoirs de la societé.„

На сей Диктонъ Г. Любословъ во второй части онагожъ собесѣдника написалъ: Reveille toi mortel etc. *для Г. Капниста толь важныхъ выраженій очень много; онѣ приличны Патріоту, Герою и Министру. Желательно, чтобъ всѣ умы отдавали справедливость достоинствамъ не по предубѣжденію, но по существу заслуги.*

ПИСЬМО

къ Господину Любослову.

Милостивый Государь мой!

Я бы не торопился къ вамъ писать, ежели бы вы въ критикѣ вашей въ разсужденіи стиха Reveille toi mortel и проч. сказали только, что для меня толь важныхъ выраженій очень много; я бы согласенъ былъ съ вами, зная, что слово mortel, употребляемое въ возвышенномъ слогѣ, можетъ по чину принадлежать знатнымъ людямъ; а съ меня довольно было бы, когда бы обо мнѣ сказали и просто, homme reveille toi, и проч. Но когда вы прибавили, что помянутыя выраженія не мнѣ, а *Патріоту* приличны, и тѣмъ кажется исключили меня изъ числа сыновъ отечества; то я встревоженъ будучи такою для меня новостію, прошу васъ покорно сказать мнѣ, чтожъ я, когда я не сынъ отечества? Неуже ли пасынокъ его? Сдѣлайте милость, разрѣшите неключимое недоумѣ-

ніе, въ которое вы меня ввергли, и не укосните отвѣтомъ вашимъ обьяснить судьбину мою, увѣдомивъ меня, чѣмъ я долженъ оставаться; а между тѣмъ позвольте мнѣ быть хоть

Вашимъ покорнымъ слугою

Василій Капнистъ

P. S. По окончаніи моего письма пришло мнѣ на мысль, что можетъ быть подъ словомъ *Патріотъ* вы разумѣли человѣка, любящаго свое отечество; въ такомъ случаѣ можно сказать, что любовь ваша къ Россійскому краснословію, побудившая васъ начертать вашу критику, заставила васъ погрѣшить против девятой заповѣди и противъ Христіянской любви къ ближнему; ибо ежели любовь къ отечеству есть пріобрѣтаемое воспитаніемъ свойство души, безъ котораго въ общежитіи прямо честнымъ и благороднымъ человѣкомъ быть не можно, то не льзя кажется ни о комъ сказать, что онъ не *Патріотъ*, не дѣлая

ему личной и явной обиды. Причиненную вами мнѣ, я вамъ чистосердечно прощаю, и прошу васъ вѣрить, что я сіе дѣлаю безъ всякаго великодушнаго себѣ насилія. Есть люди, отъ которыхъ весьма сносно быть обидимымъ.

Я бы не прибавилъ сихъ строкъ, ежели бы не долженъ былъ на ваше обо мнѣ заключеніе сказать моихъ мыслей, опасаясь, чтобъ иные по пословицѣ: кто молчитъ, соглашается, (qui tacet, consentire videtur) не почли молчанія моего за согласіе на то, что вы относительно ко мнѣ сказать благоволили.

Конецъ.

Съ указнаго дозволенія.

Капниста я прочелъ, и сердцемъ сокрушился
За чѣмъ читать учился.

Сія книга принад

[illegible]

Dauvine Capernet